

Космопроходцы

Автор:

Василий Головачев

Космопроходцы

Василий Васильевич Головачев

Абсолютное оружие

Новые технологии дают человечеству возможность двинуться в Дальний космос, начать изучение самых экзотических объектов, существование которых десяток лет назад и представить было невозможно. Как невозможно было просчитать все риски и опасности, которые они таят. Иван Ломакин, пилот экипажа звездолета «Дерзкий», – из тех, кто готов рисковать. Удача таких любит. Правда, ее одобрение сначала надо заслужить: кровью и потом. Ответственностью и честью. Душой и сердцем...

Василий Головачёв

Космопроходцы

© Головачёв В. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Рейд 1.Тёмная засада

В перекрестие визира вползла крупная звезда, испускающая густой оранжевый свет, и капитан Бугров не сдержал эмоций:

- Приехали! Всем разрешаю шампанское!

В ответ раздался смех членов экипажа и аплодисменты. Звездолёт «Дерзкий» спустя шесть дней после старта с космодрома «Коперник» на Луне прибыл в систему звезды Кеплер-666 в созвездии Лиры, получившую неофициальное название Глаз Гефеста.

Звезда, принадлежавшая к редкому классу оранжевых карликов, была открыта ровно столетие назад, однако не её характеристики подвигли земных учёных на посыл к ней экспедиции. Телескоп Кеплер не только открыл саму звезду, он обнаружил у Кеплера-666 планетную систему, и одна из планет оказалась покрыта водой. Мало того, планета, названная Афродитой, была очень близка Земле по физическим параметрам. Её масса превышала земную всего на десять процентов, а сама она вращалась вокруг звезды в так называемой зоне Голдилока, то есть не очень далеко от неё и не слишком близко, что обеспечивало на её поверхности комфортную температуру. А это обстоятельство давало, в свою очередь, землянам повод предполагать на планете наличие жизни.

Однако дальнейшие исследования планеты после её открытия ничего не прибавили к имеющейся информации, и на несколько лет о планете подзабыли, так как средств для преодоления таких расстояний – звезду отделяли от Солнца шестьдесят шесть световых лет – у людей не было.

И всё же во втором десятилетии двадцать второго века произошёл ряд событий, заставивших учёных обратить внимание на Глаз Гефеста.

Сначала телескопы зафиксировали странное поведение звезды: она дважды на минуту исчезала из поля зрения новейших астрономических инструментов. Затем точно так же начали исчезать по одной и появляться вновь планеты, будто по системе пронёсся невидимый объект, закрывая собой попадавшие на

пути планеты от «взоров» телескопов.

Научная общественность заволновалась.

Были предприняты многочисленные попытки объяснить странное поведение Кеплера-666, которые не дали результата. Астрономы терялись в догадках, что произошло в системе, и сошлись на мнении, что к звезде следует направить исследовательскую экспедицию.

К этому моменту как раз прошли испытания нового двигателя, а точнее, генератора векторной свёртки пространства, обеспечивающего космическим кораблям скорость намного выше световой, и Межкосмос – Международный Совет космических исследований, предтечами которого были американское агентство НАСА, российский Роскосмос и китайское Го Цзя Хан Тянь Цзюй, решил послать к Глазу Гефеста международную экспедицию. После, разумеется, всесторонних испытаний ВСП-кораблей.

«Дерзкий» был спущен со ступеней второй космической верфи России двадцать второго июня две тысячи сто семнадцатого года. Прошёл ходовые испытания, во время которых пересёк Солнечную систему до пояса Койпера за несколько часов, и погрузил на борт всё, что необходимо для длительного космического рейда.

В отличие от кораблей эпохи ракетного космоплавания, диктовавшей форму для любых аппаратов, прорывающихся сквозь атмосферу Земли, нынешние космолёты могли принимать любую геометрическую конфигурацию, так как им не нужно было снижать трение, придавая корпусам ракет обтекаемость. Поэтому строились машины пространства согласно функциональной необходимости и требованиям безопасности для экипажей, из-за чего даже военные фрегаты и крейсера разных стран отличались порой разительно. К тому же конструкторы кораблей рассчитывали их форму согласно параметрической или алгоритмической архитектуре, как её называли ещё почти сто лет назад, которая возникла как естественное эволюционное течение цифровых технологий. Она сочетала в себе красоту геометрических линий, топологических переходов и совершенство произведений искусства.

«Дерзкий» больше всего напоминал творение фрактального математика, использовавшего для построения корпуса крейсера так называемую диаграмму

Вороного, допускающую разбиение пространственного объёма на множество связанных единой сетью элементов. Поэтому корабль являлся сложнейшим фрактальным кристаллом, соединяющим в себе несочетаемые фигуры. В разных ракурсах он виделся иным, то как хищная птица, то как стремительная торпеда дельфина, то как сросток бриллиантов. Ничего лишнего, плавные обводы и перетекание форм, намёки на перья, невесомый трепет прозрачных крыльев, вызывающий восторг у тех, кто видел его издали.

Пятого августа на его борт поднялся экипаж численностью в семь человек; кванк[1 - Кванк – интеллектуальный квантовый компьютер, имеющий персональные черты, позволяющий исключить большинство из ныне существующих профессий космоплавания.] корабля по имени Эрг (поговаривали, что имя ему дал разработчик системы, фанатеющий от творчества древнего писателя-фантаста Ивана Ефремова, назвавшего капитана звездолёта «Тантра» Эргом Ноором) тоже можно было назвать полноценным членом экипажа, так как он имел вполне человеческие персональные качества.

Седьмого августа на борт «Дерзкого», уже занятого экипажем, поднялись и члены научной экспедиции во главе с доктором физико-математических наук Игорем Ильичём Шустовым.

Десятого августа «Дерзкий» стартовал и прибыл к системе Кеплер-666 через пять дней и четыре часа по независимому времени, то есть по времени, проведённому экипажем в корабле. Впрочем, на Земле прошло примерно столько же времени, потому что космолёт не испытывал эффектов приближения к скорости света, и время внутри его не замедлялось.

– Стандартная процедура, – объявил капитан Бугров. – Осматриваемся, ищем нашу планету и двигаемся дальше в джамп-режиме. Вопросы?

– Нам обещали дружеское застолье, – напомнил кванконик[2 - Специалист в области интеллектуальных квантовых компьютерных технологий.] и бортинженер корабля Леон Батлер.

– Прежде всего СРАМ[3 - Инструкция космофлота, аббревиатура слов «сведение риска к абсолютному минимуму».]! – отрезал капитан Бугров. – Подойдём к Афродите, сделаем облёт, и будет вам застолье.

– Ура! – откликнулись самые молодые члены экипажа – Иван Ломакин, оператор вспомогательных систем, и Альберт Полонски, второй навигатор; одному исполнилось двадцать восемь лет, второму двадцать девять.

Женщины на борту «Дерзкого» – Фьоретта Месси, отвечающая за вооружение и безопасность крейсера, и Карла де Лонгвиль, археобиолог и ксенолог-психолог экспедиции, – промолчали.

2

Афродита облетала Глаз Гефеста по орбите радиусом тридцать миллионов километров. Но так как звезда была карликовая, меньше Солнца втрое, температура на поверхности планеты действительно не превышала допустимых для жизни значений и практически везде, будь то север или юг, держалась в пределах двадцати-тридцати градусов по Цельсию.

Но космолётчиков ждал сюрприз, о котором они и помыслить не могли. Вернее, три сюрприза. Первый: в системе оказалось не семь планет, как утверждали астрономы, а семнадцать. Второй: спектр звезды за время путешествия изменился, она перестала быть оранжевым карликом, превратившись в красный. И третий, самый неожиданный: Афродита оказалась на месте, но воды на ней не было совсем! Видеосистемы корабля повсюду фиксировали песчаные пустыни преимущественно барханного типа, горные цепи, плато, каньоны, русла высохших рек и поля кристаллической породы, похожей на солевые отложения.

– Этого не может быть! – высказал своё мнение озадаченный начальник экспедиции. – У нас на руках выводы астрономов: планета должна быть на девяносто процентов покрыта водой!

– Может, это другая планета? – неуверенно предположил астрофизик Джонатан Шампинолли, которого друзья прозвали Шампиньоном за цвет лица и шапку белых волос.

– Что значит не та? – осведомился капитан Бугров.

– Мы ищем в поясе Голдилока, а она ближе... или дальше. Здесь крутятся ещё шестнадцать планет.

– Все они либо каменные шары, либо газовые гиганты, – возразила Карла де Лонгвиль.

– Тогда это другая звезда, – развеселился Альберт Полонски. – Мы промахнулись!

– Не болтайте чепухи! – одёрнул молодого человека капитан Бугров.

– Прошу прощения, капитан, – смутился Полонски.

– Надо все наши силы бросить на изучение феномена, – сказал главный археолог экспедиции Томас Нурманн. – Изменение состояния планеты представляет собой некую таинственную аномалию. Всё случилось буквально за те самые пять дней, что мы летели сюда. То есть за это время Афродита потеряла океаны и превратилась в пустынный объект наподобие нашего Марса, разве что вдвое большей массы. Ни одна известная мне астрофизическая теория не допускает подобных сбросов. Что-то случилось, какая-то жуткая катастрофа, и мы должны быть очень осторожными в наших изысканиях.

– Вы ошибаетесь, коллега, – мягко заметила Карла де Лонгвиль.

– Не понял.

– Процесс исчезновения Кеплера-666 и его планет стал виден нашим астрономам спустя шестьдесят шесть лет. То есть со времени этого явления прошло именно шестьдесят шесть лет. И мы прилетели сюда после прошествия шестидесяти шести лет плюс пять дней нашего собственного перемещения. То есть вода исчезла именно за эти годы, а не за последние дни.

Нурманн ответил не сразу, явно огорчённый своим поспешным выводом:

– Вы правы, Карла, я не подумал. Но всё равно за шестьдесят шесть лет выветривание не превращает искусственные объекты и природные формы в сглаженные структуры, какие мы наблюдаем на Афродите. Для этого должно пройти много тысячелетий.

– Необходимо проверить остальные планеты, – сказал Шампинолли. – Если и они претерпели изменения такого же рода, значит, налицо некий процесс.

- Этот процесс закончился, – бесстрастно сказал старший навигатор корабля Андрей Нарезный. – Стоит поискать недалеко от Афродиты водяной шар.
- Что вы имеете в виду, коллега? – спросил Нурманн.
- Если с Афродиты сошли воды...
- Вы хотите сказать, она родила? – фыркнул Ломакин.
- Иван! – осадил оператора Бугров.
- Простите, Виталий Семёнович.
- Продолжайте, Андрей.
- Астрономы не могли ошибиться, планета была покрыта водой, и если с неё каким-то образом содрали водную оболочку, она должна летать в системе, как гигантский водяной шар.
- Скорее ледяной.
- Пожалуй.
- Но процесс может повториться ещё раз, – сказал Нурманн. – И кто знает, устоит ли защита нашего корабля.
- Устоит! – уверенно ответила Месси. И спорить прекратили. Мнение Фьоретты уважали. Несмотря на свой молодой возраст, она считалась одним из лучших специалистов по системам вооружения и защиты космических кораблей.
- Объявляю рабочий формат! – сказал капитан Бугров, чьё слово было решающим в любых дискуссиях. – Продолжаем работать в режиме СРАМ! Корабль выходит на круговую орбиту в пределах высот от трёхсот до пятисот километров над поверхностью планеты для поиска причин исчезновения воды на Афродите. Полёты к другим планетам откладываются, у нас есть телескопы и дистанционные измерительные комплексы, вот ими и пользуйтесь.

– А посадка на Афродиту предусмотрена? – заикнулся Томас Нурманн.

– Нет! – отрезал капитан Бугров.

– Ну хотя бы позвольте опуститься на планету на катере. Вдруг обнаружим какие-нибудь неприродные структуры?

– Если обнаружим с орбиты что-то интересное, посадка возможна. Что вы подразумеваете под «неприродными структурами»?

– Здесь могла быть жизнь.

Капитан Бугров помолчал.

– До тех пор пока не будет определена причина столь резкого изменения облика планеты, все исследования и наблюдения будем вести с орбиты.

– Это не совсем правильно, – опечалился Шустов.

Капитан Бугров смягчился:

– Если понадобится провести измерения непосредственно на поверхности Афродиты, возможны кратковременные рейды на катерах.

– СРАМ, да и только! – проговорил Томас Нурманн, вздыхая.

Остальные члены экспедиции и космолётчики возражать капитану не стали, хотя многие из них и считали, что он перестраховывается.

3

Двое суток корабль без усталости наматывал витки вокруг «усохшей» Афродиты. Двое суток безостановочно трудились люди, компьютеры и научные модули, собирая информацию о планете, внезапно потерявшей океаны воды, и о пространстве системы Глаза Гефеста, угрюмо следившего за посланцем Земли.

Наблюдения за другими планетами системы показали, что все они не имеют не только воды, но и атмосферы, за исключением трёх гигантских планет окраины Кеплера-666, представлявших собой газовые шары размером с Юпитер. Однако с уверенностью сказать, что их нынешний облик как-то связан с пронёсшимся по окрестностям Глаза Гефеста «водовысасывающим штормом», было нельзя. Данных о физическом состоянии планет у исследователей не было.

Ещё больше поразила членов экспедиции сама Афродита.

Снимки, сделанные с высот трёхсот пятидесяти километров, неожиданно показали в пустынях целые россыпи странных формирований, нечто вроде «каменных лесов» и «садов камней», объединённых в своеобразные «города». А когда в атмосферу планеты опустились дроны и автоматические исследовательские комплексы, к экранам корабля прилипли не только учёные, но и заинтригованные члены экипажа космолёта.

Картины открывались и вправду ошеломляющие! Причём с одной стороны – каменные россыпи были одинаково организованными, образующими регулярные структуры, с другой – отличающимися друг от друга геометрией скал. Но все эти скалы так походили на некие осмысленные фигуры, на «скелеты динозавров» либо на утонувшие в песке сооружения, что у зрителей невольно возникало впечатление – Афродита представляет собой колоссальное кладбище!

Впрочем, кроме своей удивительной формы в «скелеты» и «сооружения» совпадали по составу с горными породами или песчаными дюнами, из которых выглядывали вершины этих образований. Во всяком случае, замеры, сделанные беспилотниками и роботами на поверхности планеты, не выявили отличий в материалах странных конструкций и скал. Природа словно посмеялась над людьми, предъявив им объекты, похожие на фигуры живых существ либо на искусственные сооружения, хотя ничего живого или искусственного в них не было.

На третий день пребывания «Дерзкого» в системе капитан Бугров выдал разрешение начать исследования планеты непосредственно на поверхности Афродиты, в районах, вызвавших наибольший интерес у членов экспедиции. Сажать космолёт на планету он не стал, несмотря на отсутствие явных признаков опасности в пределах контролируемого пространства, поэтому на пилотов «Дерзкого» – Ивана Ломакина и Альберта Полонски – ложилась

дополнительная нагрузка, пилотировать десантные шлюпы класса «трансформер». Оператор беспилотников и исследовательских модулей Филипп Каледин тоже был пилотом первого класса, водившим в том числе и шлюпы, и Бугров разрешил ему занять место пилота второго катера.

В первую пилотируемую экспедицию на Афродиту отправились сразу два шлюпа. Решено было посетить плато в северных широтах планеты, получившее название Заводские Столбы, и пустыню в южной части Афродиты, засеянную скалами «растительных» форм, названную Каменный Лес.

Кресло пилота шлюпа под номером один занял Иван Ломакин, второго – Филипп Каледин. За время полёта парни сдружились и пообещали во всём поддерживать друг друга.

Из учёных экспедиции в первом шлюпе разместились Шустов и Нурманн, во втором Карла де Лонгвиль и Шампинолли.

– При малейших признаках опасности сразу назад! – приказал капитан Бугров железным тоном. – Промедление буду считать неподчинением инструкции со всеми вытекающими! Как поняли?

– Будет исполнено! – браво отрапортовали Каледин и Ломакин.

«Дерзкий» один за другим сбросил шлюпы в дымное марево атмосферы Афродиты, и восьмиметровые аппараты, похожие на гигантских горбатых скатов, но умеющие менять форму в зависимости от внешних условий, устремились к границе тропосферы и дальше вниз, в плотные воздушные слои, насыщенные азотом и кислородом почти в тех же пропорциях, что и земной воздух.

Сначала Ломакин по просьбе начальника экспедиции медленно пролетел над Каменным Лесом. Сделал круг. За ним тот же маршрут повторил Каледин.

– Признаков опасности не вижу, – сказал Иван.

– Подтверждаю, – отозвался Филипп.

– Садимся?

– Сделайте ещё один круг, – попросил начальник экспедиции, вглядываясь в экран «стоглаза» – аппарата контроля физических полей, установленного в кабине шлюпа. – Повторим замеры.

Облетели Каменный Лес на высоте двух километров.

Сверху это странное образование и в самом деле напоминало засохший земной лес, деревья которого потеряли ветви, превратившись в уродливые, скрюченные и расслоившиеся столбы, разве что размеры этих столбов впечатляли: толщина их у основания достигала пятнадцати метров, а высота превышала две сотни.

– Доложите обстановку! – потребовал у пилотов капитан Бугров.

– Всё тихо, – сообщил Каледин. – Под нами никакого движения. Температура воздуха плюс двадцать шесть градусов. Ветра нет, болезнетворных организмов не обнаружено. Состав воздуха: восемьдесят процентов азота, девятнадцать кислорода, можно дышать.

– Отставить дышать! Выход только в скафандрах!

– Если мы не станем дышать – задохнёмся, – пошутил Ломакин.

– Иван!

– Понял, капитан, выполняю.

Шлюп завис между тремя гигантами, напоминающими высохшие секвойи, растрескавшиеся от жары и времени.

– Приземляемся, – сказал Шустов.

Аппарат плавно опустился на неровный бугор цвета лишайника.

Так как все пассажиры и пилот давно сидели в скафандрах, выполняя рекомендации инструкции, процедура выхода не заняла много времени.

Иван выбрался на захрустевший песок первым, огляделся, держа в руках штатный плазменный излучатель.

- Тяжеловато...

- Гравитация здесь на пятнадцать процентов больше земной, - пояснил Нурманн тоном школьного учителя.

- Знаю, просто оценил, всё спокойно, выходите.

- А мы? - раздался в наушниках шлема голос Филиппа.

Иван поднял голову.

Катер напарника висел над ними на высоте сотни метров.

- Вы чуть погодя, на всякий случай.

Учёные с хрустом прошли по пенистой поверхности бархана, и вправду напоминавшей не то пемзу, не то песок, не то мох. Задрали головы, рассматривая колонну «секвойи» толщиной с древний нефтеналивной резервуар.

- Неужели дерево? - пробормотал Нурманн.

- Выносим аппаратуру, - сказал Шустов. - Филипп, садитесь рядом, выгоняйте своих «скибров».

Он имел в виду исследовательских киберов, способных самостоятельно проводить физико-химический анализ образцов грунта и любых объектов, измерять интенсивность излучений и полей и даже бурить почву для добычи информации о плотности и составе пород.

Шлюп Каледина сел в полусотне метров от первого катера. Учёные занялись своей работой.

Иван и Филипп обошли площадку по периметру, попытались отломать чешуйки отслоившейся «коры» «секвойи». С большим трудом, но это им удалось сделать.

– В контейнер, – оглянулся на них Шустов. – Проведём анализы в лаборатории.

– Камень, – взвесил в руке кусок «коры» Иван. – Никакой структуры не видать. Может, это и не дерево вообще?

– А что? – хмыкнул Филипп.

– Если здесь была вода, то при высыхании ила мог выпасть осадок в виде таких вот «деревьев».

– Чепуха! – сердито возразил Шустов. – Ни один солевой раствор или ил не может сформировать такие крупные останцы.

– На Земле, – не согласился Иван. – А мы не на Земле. Хотя не буду спорить, самому хочется видеть в этих образованиях деревья.

Они ещё раз обошли периметр зоны исследований, прислушиваясь к голосам учёных и держа оружие наготове, однако сторожевые системы шлюпов, опирающиеся на многодиапазонные датчики полей и локаторы, сигналов тревоги не подавали, и рейд потерял эффект опасной работы, превращаясь в рутинное стандартное мероприятие.

Учёные возились с приборами больше двух часов. Взяли образцы грунта, «коры» и стволов «деревьев», измерили радиоактивный и электромагнитный фон местности, превышавший земной как минимум на порядок. Но это была единственная аномалия, хоть как-то отражавшая факт исчезновения воды. Все остальные параметры среды оказались в пределах тех значений, которые были уже известны землянам.

Шустов мог бы, наверно, посвятить изучению «леса» сутки, но капитан Бугров напомнил ему о возвращении, и начальник экспедиции свернул исследования.

Решили ненадолго посетить район Заводских Столбов в двух тысячах километров от Каменного Леса, чтобы иметь более полное представление о формах рельефа Афродиты.

Капитан Бугров какое-то время размышлял о пользе этого шага, однако всё же разрешение на полёт дал.

Через сорок минут шлюпы преодолели это расстояние, сделав прыжок через стратосферу, и пассажиры с высоты трёх километров увидели заинтересовавший всех «завод».

4

Сверху этот участок местности диаметром около тридцати километров действительно напоминал засыпанный песком промышленный район на Земле начала двадцать первого века. В барханном море цвета грязноватого перламутра утонули тысячи необычного вида скал, издали напоминавшие остатки механизмов, конструкций и развалины строений. Вблизи они практически не теряли своей кажущейся искусственности, а наоборот, добавляли впечатление конструктивизма, хотя после того как шлюпы произвели посадку и бригада исследователей принялась за свой труд, стало ясно, что гигантские «обломки механизмов», так же как и «секвойи», состоят из материала, близкого по составу к земному кварцу и граниту.

– Ничего не понимаю! – в сердцах сказал Нурманн, когда они, взяв ряд проб и образцов, возвращались на корабль. – Что песок, что «деревья», что скалы и «механизмы» – одного состава! Неужели их форма всего лишь результат выветривания?

– Не может быть, – ответила Карла де Лонгвиль. – Здесь всего шестьдесят шесть лет назад всё было покрыто водой. Для воздушной коррозии необходимо время, миллионы лет.

– Значит, по-вашему, эти формы образовались в воде?

Карла помолчала, затем со вздохом призналась:

– Не знаю. Надо взять образцы по всей поверхности Афродиты, проанализировать все данные и создать адекватную модель катаклизма.

Шустов не стал возражать. Он и сам думал о том же.

Исследователи стали бывать на поверхности планеты чаще. Но объём добытой информации по-прежнему не позволял объяснить причину феноменального исчезновения воды на всей планете. Физики и геологи напрасно ломали головы, пытаясь построить непротиворечивую гипотезу случившегося, до тех пор, пока не помогли астрономы. Догадки забрезжили в умах учёных, когда Эрг, державший под контролем астрофизические наблюдения за другими планетами системы, вдруг доложил об исчезновении на минуту одной из них – седьмой по счёту, если начинать с ближайшей от Глаза Гефеста; Афродита в этом списке была второй.

На следующие сутки то же самое произошло с пятой планетой системы: она тоже исчезла на минуту из поля зрения телескопов «Дерзкого».

– В чём дело? – осведомился капитан Бугров у Шустова.

– Похоже, повторяется та же история, – ответил озабоченным тоном начальник экспедиции.

– Какая история?

– Мы направились сюда не в последнюю очередь из-за череды исчезновений планет Кеплера-666 и самой звезды.

– Но ведь ряд исчезновений произошёл шестьдесят шесть лет назад.

– Кто знает, не повторялся ли этот процесс многократно. Мы обогнали свет, долетев к звезде за пять дней, но свет будет идти к Земле ещё шестьдесят шесть лет, понимаете? Если процесс имеет периодичность, наши земные астрономы будут наблюдать его из года в год, не представляя, чем он закончится.

– Потерей океанов...

– Изменением всех характеристик системы. Недаром же на Земле мы считали Кеплер-666 оранжевым карликом, а он превратился в красного карлика. Температура на его поверхности за эти годы упала с трёх с половиной тысяч градусов до двух с половиной.

– И что это означает по-вашему?

– Пока не знаю. Обсудим с коллегами новые данные и сообщим своё мнение.

Совещались исследователи не один раз, продолжая изучать Афродиту всеми доступными средствами, однако Шустов объявил, что кроме контакта с Афродитой для более точного вывода надо посетить устроившие игру в прятки планеты, и капитан Бугров задумался в очередной раз. На нём лежала ответственность за судьбу экспедиции, и распылять силы, посылая отряды исследователей в разные районы системы Глаза Гефеста, он не хотел. С другой стороны, в любом случае надо было получить исчерпывающие данные о происходящих в системе процессах, и без риска было не обойтись.

Начальник экспедиции понял его колебания.

– Мы оставим на Афродите мобильную группу, Виталий Семёнович, – сказал он. – В случае необходимости она стартует с планеты на катере и присоединится к нам в космосе.

– Я бы забрал наземный отряд.

– Потеряем время. Мы начали бурение в двух районах Афродиты, в горах и в пустыне, возле Большого Погоста (речь шла о найденном на экваторе скоплении скал, формой напоминающих обелиски и могильные плиты), и я не хотел бы срывать процесс.

Капитан Бугров снова задумался, однако применять капитанские полномочия и настаивать на своём предложении не стал.

– Хорошо, Игорь Ильич, готовьте оборудование и формируйте отряд. Идём к пятой и седьмой планетам. Но предупреждаю: много времени на исследование не дам.

– Понял вас, Виталий Семёнович, постараемся управиться быстро.

Готовились недолго.

На планете уже трудились четверо исследователей: Томас Нурманн, Карла де Лонгвиль, Шампинолли и Филипп Каледин, исполнявший обязанности оператора кибертехники, их и решили оставить в местах бурения, где были установлены передвижные модули жизнеобеспечения. Туда же десантировали два защитных комплекса класса «Триумф», способные отразить любую ракетную атаку и защитить людей куполом силового поля.

– Справитесь? – спросил капитан Бугров у Нурманна, оставшегося на планете за главного.

– Не тревожьтесь, капитан, – ответил норвежец. – Здесь тихо, живности нет, ничего опасного не замечено, мы справимся.

– Могу подменить Каледина, – предложил Иван Ломакин.

– Благодарствую, Ваня, – ответил Каледин. – Мы хоть и не в раю, но где-то близко, вам придётся трудней.

– Хорошо, – коротко прокомментировал разговор капитан Бугров.

Каледин остался со своими коллегами.

Первый прыжок звездолёт сделал к пятой планете системы, на данный момент находящейся в семидесяти миллионах километров от Афродиты.

Вообще все семнадцать планет Глаза Гефеста вращались вокруг звезды довольно плотно, их орбиты умещались практически внутри орбиты Марса в Солнечной системе, поэтому особой подготовки для овердрайвов не требовалось. Эрг легко справился с расчётами маршрутов. А «Дерзкий» легко

преодолеет запылённое пространство между планетами, – здесь хватало хвостов из мелких камней и пылевых струй, – в режиме «призрак» и вышел над целью на высоте тысячи километров.

Пятая планета системы, получившая название Шарик, и в самом деле представляла собой планетоид размером со спутник Плутона Харон [4 - Диаметр Харона 1212 км.]. Атмосферы этот планетоид не имел, как не имел ни воды, ни какого-нибудь заметного рельефа. Издали он казался гладким бильярдным шаром зеленовато-серого цвета, а вблизи, с высоты пяти километров, напоминал уже шар боулинга, покрытый муаровым рисунком мелких барханов песка от полюса до полюса.

Космолётчики ожидали всего, в том числе увидеть изуродованное метеоритными кратерами и шрамами небесное тело, но только не такую геометрически идеальную сферу, которой, образно говоря, можно было играть в футбол.

– Режьте меня на ремни, – заявил медик корабля Лундквист, – но это не природная глыба камня! Не может быть таких идеальных камней! Его явно обтачивали специально.

Никто ему не возразил. Кроме картинки в глубине экранов космолётчики ничего не видели, и предположение коллеги могло как соответствовать истине, так и противоречить ей.

– Нужен серьёзный комплекс измерений, – сказал астрофизик Киро Кимура. – Зонды, «скибры», дроны и стационарная станция.

– Никаких стационарных станций! – отрезал капитан Бугров. – Ограничимся сбросом дрона и одного «скибра». Будут собирать информацию, пока мы их не заберём.

– Виталий Семёнович, дайте хотя бы пару-тройку часов на общий осмотр планеты! – взмолился Шустов. – Я понимаю – СРАМ и всё такое прочее, но мы ведь не на экскурсию прилетели. Необходимо досконально изучить параметры системы, чтобы сделать правильный вывод.

Капитан Бугров помолчал. У него были дурные предчувствия, но вслух об этом он говорить не стал.

– Час, Илья Ильич, и ни минутой больше.

Исследователи засуетились.

В течение часа на Шарик высадили «скибра», похожего на гигантского паука, сбросили два зонда и беспилотник, способный самостоятельно анализировать состояние рельефа и находить на нём детали искусственного происхождения.

Однако на Шарике не оказалось ничего, что хоть отдалённо походило бы на искусственные сооружения или их развалины, а также не было никакой растительности, не говоря уже о животном мире. Даже бактерий не нашлось в приповерхностном слое почвы, которая по сути представляла собой многометровый слой песка и пыли. А самой высокой деталью рельефа был экваториальный барханный вал высотой всего четыре метра.

– Здесь нечего исследовать, – прокомментировал результаты экспресс-анализа капитан Бугров. – Летим дальше.

Шустов не согласился с его высказыванием, но возражать не стал. У него постепенно начал складываться вариант объяснения происходящих в системе Глаза Гефеста процессов. Не хватало кое-каких штрихов, дополнительных измерений полевого фона в пространстве системы и на самих планетах, однако он не любил делать поспешные выводы и лишь со вздохом повторил фразу капитана Бугрова:

– Летим дальше.

Поход к седьмой планете Кеплера, получившей название Пельмень – за её форму, длился меньше часа, причём большая часть времени была потрачена на стандартные процедуры расчёта траектории и анализа обстановки в районе финиша. Сорок миллионов километров «Дерзкий» преодолел всего за двенадцать минут, двигаясь в джамп-режиме.

Пельмень, похожий на открытый в двадцать первом веке спутник Сатурна Пан, оказался на месте. Но претерпел изменения по сравнению с тем своим обликом, какой зафиксировали системы наблюдения «Дерзкого».

Во-первых, он потерял форму, из «пельменя» превратившись в почти идеальную сферу, похожую на пятую планету системы – Шарик. Экваториальный рубец высотой в пять километров, придававший ему экстравагантную форму пельменя, исчез. А сама планетка, по размерам равная Церере[5 - Церера – спутник Солнца, экваториальный радиус 481 км, полярный радиус – 445 км.], была как одеялом покрыта ровным слоем пыли, скрывшим морщины и кратеры на её поверхности, обнаруженные ранее дистанционно.

– Спустимся? – без особой надежды в голосе спросил Шустов.

– Час на замеры, – ответил капитан Бугров.

«Дерзкий» сбросил на Пельмень два зонда и дрон с аппаратурой, после чего начал облёт планеты на высоте ста километров.

– Нужно провести инфразвуковое сканирование и гамма-локацию пары участков поверхности, – снова заговорил Шустов, когда автоматы принялись за свою работу. – Меня интересуют глубины планеты. Прошу разрешить посадку.

– Нет! – отрезал капитан Бугров.

– Тогда хотя бы давайте выпустим катер с модулем сканирования.

– Игорь Ильич, обходитесь тем, что уже запущено.

– Но это очень важно, мне просто дозарезу необходимы подтверждения рабочей гипотезы.

– У вас есть рабочая гипотеза?

– Есть, – признался Шустов.

– Почему же вы не сообщили об этом раньше?

– Не хватает кое-каких данных.

– Я готов спуститься, капитан, – бодро доложил Иван Ломакин.

– Хорошо, уложите в час, Игорь Ильич.

– Постараюсь, – обрадовался начальник экспедиции.

В шлюп загрузили необходимое для просвечивания пород коры планеты оборудование, пассажиры – Шустов и Киро Кимура – заняли места в кабине, и шлюп покинул грузовой ангар корабля, ныряя к пушистой поверхности Пельменя. Скрылся из глаз, утонув в ровном слое серо-серебристой пыли.

Как ленивые мухи поползли минуты, усиливая растущее напряжение в рубке «Дерзкого». Экипаж тоже не терял времени, анализируя поступавшую от систем внешнего обзора и контроля в рубку информацию, и атмосферу в космолёте в этот момент можно было назвать предгрозовой.

Капитану Бугрову стало казаться, что на него кто-то смотрит из глубин планетной системы, что только добавляло тревоги к его умозаключениям. И предчувствие его не обмануло.

– Капитан, фиксирую исчезновение четвёртой планеты, – доложил Эрг.

– Что?! – не сразу отреагировал на донесение Бугров.

– Четвёртая планета исчезла... и появилась снова...

– Это не сбой аппаратуры?

– Нет, капитан.

– Алярм! Иван, забирай пассажиров и стартуй на корабль!

– Что случилось, Виталий Семёнович? – слышался голос начальника экспедиции.

– Исчезла четвёртая планета... точно в таком же формате, что и другие планеты. Бросайте аппаратуру и быстро поднимайтесь!

– Нам осталось полчаса...

– Никаких возражений! Немедленно возвращайтесь! Это приказ!

– Есть возвращаться, – расстроился Шустов.

Шлюп с отрядом исследователей вынырнул из белёсой пелены на экваторе Пельменя и устремился к кораблю. Спустя четверть часа пассажиры заняли свои места в служебно-бытовом отсеке согласно режиму тревоги.

«Дерзкий» поднялся над планетой на десять тысяч километров.

– Что происходит, Игорь Ильич? – спросил капитан Бугров. – Ваша рабочая гипотеза может дать ответ?

– Кажется, я был-таки прав...

– Знать бы, в чём вы правы.

– Моё предположение подтверждается. Пельмень до глубин в десяток километров состоит из рыхлых пород вроде земного ракушечника.

– Конкретнее, Игорь Ильич.

– Наша Вселенная рождалась многомерной...

– Пожалуйста, профессор, поближе к реалиям, опустите общие места.

– Не могу, Виталий Семёнович, – виновато ответил Шустов. – Но постараюсь формулировать идею покороче. Наша Вселенная возникла в результате Большого Взрыва многомерной, однако спустя доли секунды все измерения скомпактифицировали, оставив только три пространственных – длину, ширину и высоту. Спустя четырнадцать миллиардов лет расширения, то есть в наше

время, она состоит на пять процентов из обычной материи, на двадцать пять – из тёмной материи и на семьдесят процентов – из тёмной энергии.

– Прописные истины, – не выдержал Ломакин. – Школьная программа.

– Иван!

– Молчу.

– В свою очередь, тёмная материя, – продолжал Шустов нервно, – следуя последним представлениям науки, состоит из нескольких компонентов, как и обычная материя. Физики делят её на тёмную холодную материю, на тёмный свет, на активную тёмную материю, принимающую участие в некоторых формах взаимодействий, и на тёмную антиматерию. Все эти виды тёмного мира нами практически не воспринимаются, но испускают гравитационные волны и образуют скопления.

– Спасибо за лекцию, профессор, – с иронией проговорила Фьоретта Месси.

– Я не хотел вас обидеть, леди, – парировал Шустов. – Потерпите немного, заканчиваю... лекцию. Тёмная материя во всех видах, за исключением «света», способна концентрироваться, порождая сгущения: солитоны, диски, тёмные звёзды и планеты. То же самое делает и тёмная антиматерия, порождая тёмные антизвёзды и антипланеты. Так вот я считаю, что система Кеплера-666 состоит из двух видов материи: обычной, видимой – сама звезда, семнадцать видимых планет, кольца из пыли, и тёмной – с антизвездой, совпадающей с нормальной звездой, Глазом Гефеста, и по крайней мере с одной антипланетой, которая кружит по орбите вокруг антизвезды.

– Допустим, – сказал капитан Бугров. – Летает. И что?

– Траектория этой тёмной антипланеты такова, что она по очереди закрывает планеты системы, и они исчезают из поля зрения наблюдателя на короткое время.

– Но ведь тёмная материя не взаимодействует с обычным веществом, – с сомнением проговорил Ломакин. – Они влияют друг на друга только

гравитационно.

– Да, не взаимодействует, то есть тёмная материя пронизывает обычную так, будто её вовсе нет. Но! Из-за влияния закона потери СРТ-симметрии, создающего квантовые эффекты...

– Короче, Игорь Ильич, – не выдержал капитан Бугров.

– ...тёмная антиматерия изменяет мерность пространства, – закончил Шустов. – В тёмном мире этот эффект может быть и незаметен, а в нашем – довольно ощутимо влияет на материю и на само пространство. Любой наш объект, попадая в эту тёмную «яму», которая является тёмной антипланетой, теряет одно измерение и становится невидимым.

Рубкой управления завладела тишина. Космолётчики обдумывали идею начальника экспедиции. Наконец заговорил Ломакин:

– Двухмерный объект – это же плоскость... нет? Если бы планеты на минуту превращались в плоскость, мы бы их видели – в форме блинов... нет?

– Молодой человек... – начал Шустов, однако замолчал и закончил с удивлением: – А ведь вы правы, Иван! Хотя это не меняет ситуации. Тёмная антипланета может не уменьшать количество измерений, а увеличивать, скажем, до четырёх. И мы точно не сможем наблюдать упавшую в эту «яму» планету до тех пор, пока антипланета не пролетит сквозь неё.

Космолётчики зашумели.

– Стоп галдёж! – повысил голос капитан Бугров. – Допустим, вы правы, Игорь Ильич, но меня в данный момент беспокоит другое: что происходит с обычным веществом, когда сквозь него пролетает тёмное антивещество? И второй вопрос: куда девалась водная оболочка Афродиты? Испарилась при пролёте антипланеты?

Звездолётом снова завладела тишина.

– Возможен нерадиоактивный распад сложных соединений... – неуверенно проговорил Киро Кимура.

– Вода не сложное соединение.

– Распад молекул воды не требует много энергии, – задумчиво сказал Шустов. – Она как раз может распасться раньше плотных пород.

– То есть мы все здесь рискуем незаметно столкнуться с тёмной антипланетой и превратиться в пар? – поинтересовался капитан Бугров. – Ведь все мы на восемьдесят процентов состоим из воды.

– Не в пар, в атомарную взвесь.

– Что в лоб, что по лбу. Игорь Ильич, вы можете вычислить траекторию движения тёмной антипланеты?

– По тем данным, что мы получили, кажется, могу.

– Прошу вас, объясните Эргу задачу. И побыстрее!

– Слушаюсь, Виталий Семёнович, – пробормотал озадаченный Шустов. – Думаю, встреча с антипланетой нам не грозит. Она давно отсюда улетела.

– Мне надо знать – куда.

Физики начали общаться с компьютером корабля.

К счастью, процедура вычисления траектории предполагаемой нарушительницы мерности пространства длилась недолго.

– Виталий Семёнович, – подал голос Шустов, – готов результат. Тёмная антипланета летит к Глазу Гефеста.

– С какой скоростью?

- Около полутора тысяч километров в секунду.
- Где она сейчас?
- Примерно в двадцати девяти миллионах километров от звезды, – доложил Эрг.
- То есть почти на орбите Афродиты?
- Так точно?
- Где в данный момент находится Афродита?

Возникла двухсекундная пауза.

- Их курсы пересекаются, – доложил Эрг.
- И когда пересекутся?!
- Примерно через шестьсот шестьдесят шесть секунд.
- Дьявол! Стартуем к Афродите! Режим – форсаж! Связь с отрядом!
- Отсутствует, – доложил Эрг.

5

Исследователи приступили к работе, и Филипп оказался не у дел. Техника экспедиции по большей части не требовала человеческого участия, поэтому члены наземной группы могли обходиться без чьей бы то ни было помощи. Филипп понаблюдал, как «скибры» ведут бурение в низинке между каменными рёбрами, и решил устроить экскурсию на Большой Погост, обелиски и столбы которого высились всего в сотне метров от временного лагеря.

- Я на полчаса, – объявил он по рации; в этом лагере работал Шампиньон – управлял сканером, бурильной установкой и дроном.

– Хорошо, – ответил итальянец, вечно напевавший какие-то песенки себе под нос.

Пешком идти не хотелось, песок был рыхлый, ноги утопали в нём при каждом шаге по самые лодыжки, и Филипп поднял в воздух шлюп.

Сначала он пролетел над Погостом на высоте полукилометра, включив видеозапись раскрывшейся панорамы. Показалось, что в рисунке скал, имеющих явные черты искусственности, намечается какой-то определённый порядок.

Поднялся повыше, всматриваясь в острые вершины обелисков стометровой высоты и плоские вершины стоячих «надгробных плит», имевших в сечении форму квадратов или параллелепипедов.

Пришло озарение.

Скалы стояли, погруженные в песок, не хаотично! Обелиски, похожие на гигантские оружейные штыки, концентрировались в центре Погоста, столбы окружали этот район двойным кольцом, а «могильные плиты», уменьшаясь в размерах до тридцатиметровых высот, представляли собой предместье, постепенно уходящее в барханы серо-жёлтого песка.

– Город! – пробормотал вслух Филипп.

– Что ты сказал? – не расслышал Шампинолли.

– Это похоже на город...

– Здесь много мест, похожих на города или промышленные зоны. На самом деле это причуды выветривания.

– Не верится...

– Протри глаза, – рассмеялся ксенолог. – Я бы и сам не прочь считать эти образования искусственными сооружениями, но мы уже брали пробы: материал всех обелисков и плит точно такой же, из какого состоит и песок: кремнезём с разными экзотическими добавками.

– Всё равно сверху Погост выглядит городом.

– Согласен, но, увы, жизнью здесь не пахнет.

Филипп сделал ещё один круг.

Геометрия «кладбищенских памятников» стала видна ещё отчётливей. Пилот насчитал семь колец плит и обелисков, отличающихся друг от друга формой. Все они располагались примерно в полусотне метров друг от друга, разделённые песчаными дюнами, и охватывали «центральную площадь города», украшенную самой большой башней высотой в двести с лишним метров и диаметром основания не менее шестидесяти метров. Чем-то она походила на одну из башен знаменитой церкви Саграда Фамилия в Барселоне.

Облетев её три раза, Филипп посадил катер у основания башни и с интересом принялся изучать ряды каверн и щелей в цоколе башни, напоминавших ряды окон в земных зданиях.

Ему повезло: одна из нижних рытвин уходила в глубь цоколя, представляя как бы центральный вход в здание.

Филипп включил нашлемный фонарь, преодолел сыпучий бугор зеленоватого праха перед дырой, утопая в нём по пояс, уже представляя, как он входит в подобие холла, и в этот момент включилась рация, связанная с системой связи шлюпа, в свою очередь, связанной с кораблём:

– Каледин, ответьте! Почему молчите?! Вызывает «Дерзкий»! Каледин, немедленно ответьте!

– Да тут я, отвечаю, – отозвался удивлённый Филипп. – Вызов поступил только что, до этого я вас не слышал.

– Забирайте исследователей и немедленно стартуйте в космос, подальше от Афродиты! У вас всего десять минут!

– Что случилось?!

– Не теряйте времени! Вопрос жизни и смерти! Разбираться будем потом! Мы выйдем в ваш район минут через двадцать!

Ступор прошёл.

Филипп знал, что такое опоздать на минуту или даже на секунду, скорость реакции у него была превосходная, и, получив приказ, он не стал требовать от капитана Бугрова дополнительных разъяснений, просто включил внутренний экстрим, всегда помогавший ему в форс-мажорных обстоятельствах.

Шлюп стартовал с вершины дюны как спортивный болид, оставляя за собой хвост опадающей пыли.

Объяснять причину бегства Шампиньону было некогда, поэтому Филипп, посадив катер чуть ли не на голову ксенологу, буквально затолкал его в кабину.

– Что ты делаешь, Фил?! – изумился итальянец, падая в пассажирское кресло. – С ума сошёл?!

– Наоборот, пытаюсь остаться в уме, – ответил пилот, сосредоточиваясь на выполнении задачи. – У нас всего десять минут, даже меньше. Держитесь!

Никогда ещё шлюп-трансформер не летал в таком режиме! Филипп выжал всё, что возможно, из двигателя и защитных систем, презрев все инструкции и запреты, сорвав пломбу ограничения энергоэмиссии и включив форсаж! Превратившись в снаряд, облитый слоем плазмы, катер вынесся за пределы атмосферы Афродиты и преодолел разделявшие оба лагеря две тысячи километров за восемь минут! Спикировал на бытовой модуль, у которого ждали его предупреждённые за время полёта, ничего не понимающие Томас Нурманн и Карла де Лонгвиль.

Шлюп вонзился в песчаный бугор, подняв тучу песка и пыли.

Филипп вместо пандуса выбросил боковой сфинктер аварийного режима и одного за другим втащил исследователей в кабину. Весь процесс занял две минуты.

«Десять! – мысленно отметил молодой человек количество истекших минут. – Успеем?!»

Шлюп устремился в небо, оставляя за собой панораму «технологической зоны», усеянной «остатками механизмов» и «конструкций».

Он был ещё на высоте трёх километров над поверхностью планеты, когда аппарат накрыла – по первому впечатлению – холодная тяжёлая тень. Филипп даже поднял голову, пытаясь разглядеть чудовище, отбросившее эту «тень». Но ничего не увидел, разве что звёзды вдруг перестали светить, исчезая.

Зато панорама «технологической зоны» под шлюпом внезапно и плавно начала меняться! Остатки «механизмов» зашевелились как живые, обросли деталями, приобрели металлический блеск, налились внутренней энергией, обрели законченные очертания. Песок и пыль между ними растаяли, превратились в ярко-жёлтые ровные заросли мха. В воздухе появились летательные аппараты, похожие на огромных мохнатых пчёл.

– Мой бог! – выдохнула Карла де Лонгвиль. – Что происходит?!

– Они ожили... – заикнулся Шампинолли.

– Кто?!

– Они... жители города...

– Здесь всё давно умерло!

– Значит, мы провалились во времени...

– Не порите чепухи, Джонатан!

– Тогда что это?

Филипп хотел сказать, что происходящее внизу им мнится, но в это время «тень», накрывшая аппарат, пронзила шлюп и тела людей в нём, и сознание пилота разбилось на гаснущие струйки. Он уже не увидел, как продолжавший

подниматься в космос шлюп проскочил атмосферу, изменив форму, превратившись в колючий «орех», и поплыл в темноту пространства, погасив ходовые огни, потеряв всю энергию, ослепший и оглохший, с практически мёртвым экипажем.

6

«Дерзкий» медленно удалялся от Глаза Гефеста, где его ждала невыносимая «тёмная засада», которую никто из учёных не ждал.

Экипаж космолёта молчал, наблюдая, как в экранах обзора звезда становится тусклей и меньше.

Молчали и уцелевшие члены экспедиции, ожидая, чем закончится борьба врача корабля и медицинского компьютера за жизнь четверых коллег. Они были живы, но развёртка четвёртого измерения при пролёте тёмной антипланеты сквозь Афродиту не прошла для них даром, и никто из них до сих пор не пришёл в себя.

– Эрг, у них есть шанс? – спросил капитан Бугров.

– Я не предсказатель, капитан, – ответил компьютер виноватым и грустным одновременно тоном. – Возможно, есть.

– Игорь Ильич, надо возвращаться домой. Мы рискуем нарваться на вашу тёмную антипланету.

Начальник экспедиции сделал паузу.

– Давайте подождём час-другой. Если леди и джентльмены не очнутся – возвращаемся.

Звезда Кеплер-666, названная Глазом Гефеста, внезапно исчезла.

Космолётчики замерли.

– Они... столкнулись! – прошептала Фьоретта Месси. – Тёмная планета и Глаз...

- Наверно, не планета, а тёмная звезда, - возразил Киро Кимура.

- Не вижу большой разницы.

- Капитан, - заговорил Эрг, - я скачал файл видеозаписи со шлюпа, могу продемонстрировать.

«К чёрту!» - хотел послать его капитан Бугров, но передумал.

- Давай.

Запись была плохого качества, однако зрители увидели и панораму Большого Погоста, напоминающего город, и панораму «технологической зоны», а самое главное - трансформацию зоны в живой, полный движения искусственный объект.

- Бог ты мой! - проговорила Фьоретта низким голосом. - Здесь была жизнь!

- Без всяких сомнений, - отозвался Шустов печально. - Но её убила развёртка четвёртого измерения. Если тёмная антипланета будет и дальше пересекать систему, она разрушит все планеты, превратив их в хвосты пыли. Капитан, предлагаю оставить нас в защитном модуле недалеко от Кеплера, чтобы мы могли изучать его дистанционно, а вы возвращайтесь на Землю. Мы сделали колоссальное открытие, дорога каждая минута. Тёмная антизвезда может оторваться от Глаза, и мы её больше не найдём!

- Возражаю! - железным голосом проговорил капитан Бугров. - Ждём. Либо останемся все, либо улетим... все.

- Но мы потеряем время...

- Зато не потеряем жизнь. Дискуссию отменяю.

Словно в ответ на его слова Глаз Гефеста засиял в космосе снова, хотя стал совсем красным и тусклым. Он угасал, как недавно угасла жизнь на Афродите. Тёмный мир прорывался в мир материальный, порождая новую проблему, с

которой вскоре должен был столкнуться человек...

Рейд 2. Сфера Дайсона

1

Российская обсерватория «Астрон» нашла пристанище в кратере Циолковский, который, в свою очередь, располагался на другой стороне Луны. Создана она была в две тысячи девяносто девятом году и наряду с другими обсерваториями и станциями радиотехнического наблюдения за пространством являлась составной частью не только российской национальной системы контроля космоса, но и общемировой.

«Астрон» представляла собой комплекс сооружений, в который входили три зеркально-линзовых телескопа, сложная решётка радиотелескопа и расположенный под лунной поверхностью резервуар с жидким азотом, служивший антенной нейтринного телескопа, позволявшего обозревать просторы Вселенной чуть ли не до её видимых границ [6 - Радиус видимой части Вселенной = 13,7 млрд световых лет.].

Кроме того, комплекс имел и жилые, и бытовые модули, также спрятанные под грунтом на глубине десяти метров, и модуль управления, оборудованный новейшими системами защиты и кванком – квантовым компьютером последнего поколения, по интеллекту не уступающим человеку. Компьютер имел имя Григорий и был подключён к сети таких же функционально ориентированных вычислительных машин, служащих учёным на Земле и на других планетах Солнечной системы.

К слову сказать, на Луне таких обсерваторий, принадлежащих другим странам, насчитывалось больше двух десятков, и благодаря взаимодействию их компьютеров система надёжно контролировала Солнечную систему, мгновенно высчитывая опасные приближения к Земле комет и астероидов, а также вела исследования и далеко за пределами родной Галактики.

Расположение обсерватории выбирали тщательно, и по всем условиям для работы лучшим районом для её строительства был определён Циолковский, кратер диаметром сто восемьдесят километров, обладавший центральной горкой, где разместились телескопы, и тёмным дном, что специалисты посчитали дополнительным преимуществом: телескопам и фотометрам в районе кратера не мешали блики от лунных пород при появлении над горизонтом Солнца.

Десятого июля две тысячи сто восемнадцатого года в центре управления обсерваторией дежурила рабочая смена астрономов в количестве трёх человек: начальник смены оператор-астрофизик Доминик Гриневский, по легенде – прапраправнук писателя Александра Грина, оператор Вениамин Барсуков, обладавший фигурой спортсмена-бодибилдера, и техник-оператор Николай Толочко, выглядевший в свои тридцать три года студентом колледжа.

Каждый занимался своим делом, располагаясь в креслах с универсальной информационной поддержкой. В нынешние времена не было надобности следить за небом в окуляры телескопов, за людей это делали автоматы, сбрасывая изображения участков космоса на объёмные экраны операторов.

Как обычно первые два-три часа дежурства разговаривали мало, увлечённые созерцанием активности близких звёзд и работой с идентификацией излучений и «шумов» эфира.

Гриневский «пас» северный квадрант неба, украшенный созвездиями Ориона, Тельца и Эридана. Барсуков изучал спектры звёзд ближнего «засолнечья» в направлении на созвездие Кассиопеи. Коля Толочко контролировал все сообщения, поступавшие от общей апертурной сети комплекса, выдаваемые Григорием для изучения обнаруженных аномалий либо в движении небесных тел, либо в их свечении.

Потом начальник смены заказал кофе, к нему присоединился Толочко, и они принялись обсуждать недавнее открытие в созвездии Кеплера мигающей звезды класса К. Гриневский полагал, что звезда мигает из-за того, что вокруг неё крутится облако пыли. Коля Толочко стоял на том, что изменение блеска звезды можно объяснить и невидимой гравитационной линзой, располагавшейся между Кеплером и Солнцем.

– Зря копыа ломаете, – вмешался в спор Барсуков. – Есть проблема поинтересней. Не хотите взглянуть?

Коллеги подошли к нему с чашками кофе в руках.

Объёмный экран, или виом, как теперь принято было называть современные системы визуального наблюдения, а также телевизоры и компьютерные мониторы, показывал густо заселённую звёздами область космоса в направлении на созвездие Ориона. Красное колечко в глубине виома отчерчивало вектор, по которому в данный момент принимал информацию нейтринный телескоп, ласково названный Циклопом.

– Ну и что? – с недоумением сказал Толочко, отбрасывая чуб, падающий на лоб.

– Странная вещь, – сказал Барсуков. – В этом районе вроде бы ничего не видать, ни одной звезды, а Циклоп регистрирует поток нейтрино, будто там прячется звезда.

– А что Григорий?

– Утверждает, что в этом квадранте нет неоткрытых звёзд. В каталогах действительно ничего.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Гриневский. – Направь туда остальные наши гляделки.

Барсуков набрал комбинацию на консоли управления, объяснил Григорию, что надо сделать.

Внутри колечка в темноте пространства сформировалось шарообразное облачко искр, похожее на одуванчик.

– Интересно! – выпятил губы Толочко. – Что это может быть?

– Инфракрасный источник.

– Но звезды-то не видно.

– Это, наверно, красный или, скорее, коричневый карлик[7 - Остывшая звезда небольшого размера с низкой температурой поверхности.].

– Тогда почему его нет в наших каталогах?

– Потому что мы только начали подробно изучать этот квадрант.

– Так. – Гриневский задумчиво допил кофе, изучая необычный «одуванчик» в колечке. – Знаете что, парни, давайте-ка пощупаем его во всех диапазонах. А я свяжусь с КоКо.

Он имел в виду Центр Национальной системы контроля, расположенный в Крыму. В просторечии Центр его сотрудники называли Космическим Контролёром, сокращённо – КоКо.

Расселись по своим местам, натягивая шлемы дополнительной реальности, позволяющие получать информацию от всех существующих источников, в том числе из Интернета, и общаться со всеми, кто мог понадобиться в любой момент.

Гриневский связался с КоКо, объяснил ситуацию дежурному комиссару.

Спустя час сам комиссар позвонил в «Астрон»:

– Вы запустили цепную реакцию, парни. Шестьдесят обсерваторий мира – в Чили, Канаде, Китае, в Евросоюзе, на Луне и на всех орбитах изучают Q Ориона. Знаете, какой вывод сделали коллеги в Египте?

– Не-ет, – озадаченно протянул Гриневский.

– Вы открыли «пузырь» Дайсона!

По залу центра управления обсерваторией пронеслась секунда оглушительной тишины. Потом очнулся Барсуков:

– Вы шутите?

Собеседник, находившийся в данный момент на Земле, в помещении Центра КоКо, рассмеялся:

– Ваши имена войдут в историю, парни. Работайте, ещё свяжемся.

Толочко посмотрел на застывшего Гриневского:

– Пузырь, он сказал?

– Он имел в виду Сферу Дайсона, – хмыкнул Барсуков. – Невероятно! Я думал – какой-то сбой в системе, в крайнем случае – невидимое облако газа.

– Работаем, открыватели пузырей, – сказал Гриневский, усилием воли возвращая себе рабочее настроение.

2

Уже неделю члены экипажа «Дерзкого» отдыхали и восстанавливались на базе Роскосмоса после возвращения из космических далей, оставив позади едва ли не две сотни световых лет и звезду-фуор[8 - Фуор – тип нестационарных звёзд с неравномерно меняющимся блеском.] ипсилон Кормы Корабля. Отсутствовал только бортинженер и кванконик Леон Батлер. У него жена родила двойню, и он отпросился у руководства навестить семью.

Остальные оставались на территории комфортного городка Циолковский, выросшего ещё столетие назад на окраине российского космодрома «Восточный». Радуюсь общению в тёплой компании, по вечерам собирались в клубе космонавтов, где часто выступали известные театральные и музыкальные коллективы, либо играли в волейбол и баскетбол на площадках базы.

На сегодня была запланирована встреча с командой планетолёта «Анадырь», экипаж которого славился своими победами над командами космодрома и других космических судов.

Встретились на площадке базы в семь часов вечера, когда дневная жара спала и на леса вокруг космодрома опустился прекрасный летний вечер, напоённый запахами трав и цветов.

Играли пять на пять: у команды «Дерзкого» отсутствовал пасующий, роль которого мастерски исполнял Батлер, у команды «Анадыря» также отсутствовал игрок, один из доигровщиков, в последнюю минуту отказавшийся участвовать по неизвестной причине.

Капитаном команды «Дерзкого» был Виталий Семёнович Бугров, он же – капитан корабля, в молодые годы неплохо выступавший за команду Хабаровского края. Роль диагонального нападающего команды взял на себя Иван Ломакин, рост которого – под два метра – и отличная прыгучесть позволяли ему легко преодолевать блок соперника.

Судил встречу штатный тренер космодрома полковник Веселов, возглавлявший один из отрядов технического обслуживания космодрома.

Впрочем, судьи в нынешние времена на официальных чемпионатах, как внутренних, так и мировых, считались таковыми номинально. Контролировали ход игр дроны и всевидящие компьютеры, хотя слово «живого» судьи пока ещё считалось законом.

В этот вечер техника судейства не включалась. Встреча организовывалась как товарищеская, и одного судью сочли достаточным.

Команда «Дерзкого» начала уверенно. Ломакин забивал мячи почти стопроцентно, ему помогал Бугров, исполняющий обязанности доигровщика, пасовал, и очень качественно пасовал, главный навигатор корабля Андрей Нарезный, и первую партию «дерзьяне» выиграли со счетом 25:19.

Вторую неожиданно проиграли 25:23, расслабились, посчитав, что противник слабее.

Третью с трудом вытянули, выиграв со счётом 29:27.

Ломакин начал злиться, так как ему показалось, что его засуживают.

В четвёртой партии созрел конфликт. Ломакин пробил чисто, однако Веселов отдал мяч сопернику, показав, что Иван задел сетку, и двадцатипятилетний оператор вспомогательных систем «Дерзкого» вспылал.

Сначала он сделал несколько выразительных жестов, один из которых можно было счесть неприличным. Затем громко высказал своё недовольство предвзятым судейством. А когда шестидесятилетний Веселов, тощий и длинный как жердь, сделал ему замечание, Ломакин вспыхнул и усомнился в квалификации судьи, посоветовав ему «пасти козлов, а не судить интеллектуальнейшую из игр».

Началась перепалка, в которую вступили игроки обеих команд. Бугрову пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить оператора экипажа и свести конфликт к нулю.

В конце концов все дружно пожали друг другу руки и доиграли сет. «Дерзкий» выиграл. Но в раздевалке Бугров отвёл подчинённого в сторонку и осведомился голосом строгого отца:

– В чём дело, Иван? Какая муха тебя укусила?

Ломакин закусил губу. С одной стороны, он чувствовал себя правым, с другой, понимал, что нельзя давать волю своим чувствам на площадке, да ещё в компании друзей.

– Извините, Виталий Семёнович, больше не повторится.

– Ты не ответил на вопрос.

Ломакин отвёл глаза.

– Да так... есть причина...

– Говори.

– Я встречаюсь с его дочерью...

– Кого – его?

– Василия Поликарповича... Веселова.

Бугров присвистнул.

– Хорош сюрприз! Давно?

– Полгода. – Ломакин насупился. – Не знаю, почему Василий Поликарпович так суров ко мне, поводов вроде не давал, но он меня явно невлюбил.

– За что?

– Да бог его знает! Не приглянулся я ему.

– А может быть, он просто проверяет твою выдержку?

Ломакин наморщил лоб, размышляя.

– Виталий Семёнович, – позвал Бугрова второй навигатор корабля Альберт Полонски, – вас ждать?

– Сейчас. – Бугров похлопал молодого человека по плечу. – Думай, Ваня, думай и проявляй сдержанность. Уравновешенные мужики нравятся больше нервных не только дамам.

– Я стараюсь.

– Пока что это у тебя плохо получается.

Приняли душ.

До жилого корпуса космонавтов пошли пешком. Погода благоприятствовала хорошему настроению, неприятности отошли на второй план, победа добавила энергии, и в конце концов начал улыбаться и Ломакин.

А в холле здания их встретил подтянутый молодой человек с короткой стрижкой «скошенный луг», в сером унике официала канцелярии.

– Майор Точкин, – представился он. – Адъютант начальника Центра управления полётами Волгина. Виталий Семёнович, генерал просит вас навестить его в удобное для вас время.

– А почему вы мне не позвонили? – в недоумении поднял брови Бугров. – Решили передать просьбу лично?

– Андрей Харлампиевич только что вернулся домой. – Точкин поднял глаза к потолку, давая понять, где сейчас Волгин; генерал жил в этом же доме, только на тридцать седьмом этаже. – Я проводил его, хотел вам звонить, а тут вы навстречу.

– Что случилось?

– Ничего особенного. Я понял так, что вам предложат новый дальний поход.

Бугров мельком глянул на лица сопровождавших его членов экипажа.

– Куда, если не секрет?

– Очевидно, к Ориону.

– Снова к фуору?

– Нет, на этот раз подальше. В квадранте омикрон два-зет Ориона обнаружен интересный объект. Но вы сами всё узнаете.

– Что за объект? – любопытно спросил Полонски.

– Сфера Дайсона, – ответил Точкин равнодушно.

3

Космодром «Коперник», расположенный в одноимённом лунном кратере, был построен в конце двадцать первого века и принадлежал изначально России. Но после ликвидации террористического интернационала, распада НАТО и

достижения полноценного всеобщего мира на Земле с него начали стартовать и космические корабли других держав, а также космолёты, принадлежащие Межкосмосу – Международному Совету космических исследований, объединившему все космические агентства, в том числе российский Роскосмос, американское НАСА и китайское Го Цзя Хан Тянь Цзюй.

Бугров с командой прибыл на космодром «Коперник» девятнадцатого июля, приняв предложение руководства Роскосмоса, поддержанное Международным Советом, отправиться к только что обнаруженному объекту, классифицированному как Сфера Дайсона. Руководство колебалось, испытывая сомнения в полноценной реабилитации экипажа корабля после полёта к звезде-фуору, но Бугров заверил Волгина, что все космонавты здоровы как быки и готовы лететь хоть к чёрту на кулички. Тем более что «Дерзкий» позволял это сделать, рассчитанный свободно преодолевать громадные космические расстояния за считанные часы, а то и минуты. И Волгин дал добро.

«Дерзкий» действительно оправдывал своё имя.

Это был космолёт, изготовленный по новейшим технологиям, обладавший ВСП-тягой, обеспечивающей ему скорость в тысячи раз выше световой. Впрочем, о реальной скорости относительно физических объектов говорить не приходилось. Генератор «свёртывал» пространство в «струну», и корабль не разгонялся, как реактивный снаряд, а как бы проваливался в трещину в вакууме, то есть, по сути, создавал вакуумный «дефект», подобный трещине в сплошном поле льда, и оказывался в нужном районе космоса практически мгновенно. Другое дело, что создание «пробоя» требовало тщательного учёта всех объектов и полей по вектору движения, а это занимало немало времени.

Конструкторы корабля при его создании использовали не только фрактал-дизайн, но и модульную сборку, позволяющую менять внутренние интерьеры, увеличивать объёмы трюмов и сокращать вспомогательные помещения.

Команда Бугрова разместилась в центральном модуле управления, называемом то бункером, то мостиком, хотя каждый член экипажа имел для отдыха персональную каюту. От кубриков на несколько мест для «матросов» давно уже отказались.

Точно так же устроились с комфортом и пассажиры – исследовательская группа, которая работала с экипажем «Дерзкого» в прошлом году, в походе к Глазу Гефеста. С того момента она почти не претерпела изменений. Руководил ею всё так же доктор физико-математических наук Шустов. И если в экипаже было две женщины – Фьоретта Месси, красивая жгучая брюнетка двадцати семи лет, оператор систем вооружения и защиты космолета, и Ирина Легрова, доктор медицины, заменившая прежнего корабельного медика, то в отряде исследователей присутствовала всего одна – Карла де Лонгвиль, археобиолог и ксенолог-психолог, суровая дама-блондинка сорока двух лет от роду.

В двенадцать часов по универсальному времени[9 - В космосе принят порядок времяисчисления, соответствующий земному, при котором началом суточного цикла считалось время земного нулевого меридиана.] экипаж и пассажиры попрощались со свитой провожающих, в которую входили учёные, представители Международного Совета космических исследований, руководители Роскосмоса и родственники улетающих, и скрылись в гармошке переходного рукава, протянутого от купола космостанции к громаде корабля, геометрически совершенные формы которого делали его квазиживым зверем космоса, приготовившимся к прыжку.

Заняли места согласно штатному расписанию.

– Стандартный режим, – объявил Бугров, вселившись в гнездо капитанского ложементов, способного в чрезвычайных ситуациях превратиться в модуль высшей защиты.

Это означало, что старт будет происходить без каких-либо форс-мажоров и тревожиться не стоит. Никто не ставил перед экипажем задачи добраться до цели любой ценой, по экстремальному императиву, хотя специалисты, разумеется, жаждали поскорее выяснить, правы ли они, назвав обнаруженный объект Сферой Дайсона.

– Все мировые астрофизики на ушах стоят, – с лёгкой улыбкой заметил по этому поводу при расставании Волгин. – Мало кто верил, что какая-то цивилизация решится на такую грандиозную стройку.

Он имел в виду, что земные учёные ещё сто пятьдесят лет назад предложили идею создания вокруг звезды сферы, получившей впоследствии название Сфера

Дайсона, для полной утилизации её энергии. Но всерьёз о реализации таких грандиозных сооружений никто не рассуждал.

– Это же не первая встреча с ксенотиками, – ответил Бугров с недоверием. – По крайней мере на десятке открытых планет[10 - В настоящее время с помощью внеземных и наземных телескопов у других звёзд открыто более тысячи планет. К 2117 году будет открыто на порядок больше.] у других звёзд обнаружены развалины древних цивилизаций. А на планетах фуора мы вообще обнаружили живых.

– С этими фуорянами ещё разбираться и разбираться, – пожал плечами генерал. – Они то есть, то их нет. Туда скоро пошлют экспедицию коммуникаторов. Но Сфера Дайсона не менее интересный объект, многие хотели бы пощупать её руками. Вам доверили первыми сделать это. Желаю удачи, капитан. Ждём вас с надеждой, что вы принесёте добрые вести и не встрянете в межзвёздный конфликт. А то и привезёте инопланетян для контакта.

– Будем стараться! – пообещал Бугров.

Через четверть часа «Дерзкий» взмыл в чёрное лунное небо, используя эгран – генератор антигравитации, а ещё через полчаса исчез во тьме пространства, направляясь в глубины созвездия Ориона.

4

Найти цель, практически не испускающую излучений, кроме потока почти неуловимых нейтрино, оказалось непростым делом.

До района расположения Сферы Дайсона «Дерзкий» добрался быстро, всего за три часа, из которых два часа пятьдесят девять минут ушло на подготовку прыжков в «трещины», после того как он отдалился от Луны на один миллион километров, и лишь десять секунд было потрачено на включении ВСП-хода и сами прыжки.

В созвездие Ориона по каталогам земных астрономов входило около трёхсот звёзд. Большинство из них были открыты сравнительно недавно – в течение последней полусотни лет, так как они представляли собой неяркие объекты –

красные или коричневые карлики, либо звёзды, скрытые облаками пыли.

С Земли участок неба в направлении на омикрон два-два зет Ориона вообще не содержал источников света, а поскольку Сфера Дайсона тоже не должна была светиться в регистрируемых телескопами диапазонах электромагнитного излучения, за исключением инфракрасного и микроволнового, компьютеру «Дерзкого» по имени Эрг пришлось приложить немало усилий, прежде чем корабль смог сориентироваться и вторым ВСП-прыжком добраться до цели.

«Дерзкий» замер перед пугающе чёрным провалом, занимающем почти всё поле обзора. Диаметр провала, заслонившего звёзды глубин Ориона, был равен полутора астрономическим единицам, что составляло около двухсот двадцати пяти миллионов километров. Примерно таков был диаметр орбиты второй планеты Солнечной системы – Венеры, и вполне можно было ожидать, что внутри этой чёрной сферы, испускающей слабое инфракрасное излучение (что стало доступно аппаратуре корабля только с расстояния в пять миллионов километров), прячется планета, закрытая непроницаемым для света пузырьком.

– Подходим ближе, – объявил Бугров. – Режим «Чужой».

Пассажиры зароптали. Императив под названием «Чужой» представлял собой инструкцию по поведению земных косморазведчиков при встрече с чужой агрессивной жизнью. В представлении же экспертов и учёных исследовательской группы Сфера Дайсона хотя и представляла собой искусственный объект, но не связывалась с агрессивными действиями её создателей. Однако объяснить своё решение капитан не стал, и ропот стих.

«Дерзкий» набрал скорость, используя эгран, и за час приблизился к невидимому «пузырю» на четыре миллиона километров, включив все свои системы обзора и анализа пространства.

Оболочка Сферы почти не отражала свет звёзд, поэтому приходилось полагаться только на показания датчиков, принимающих низкочастотное излучение, микроволны и гравитационные поля.

Компьютер нарисовал синтезированное из разных изображений общее, в приближении к нормальному, человеческому, зрительному восприятию, и космонавты увидели в глубине экрана бугристую синеватую стену, удивительно

напоминающую поверхность океана во время сильного волнения. Только застывшую. Впечатление складывалось такое, будто Сфера была сформирована слоем кипящей воды, замёрзшей под ударом холода космического пространства[11 - Температура «пустого» космического пространства может опускаться почти до температуры абсолютного нуля -273 градуса по Цельсию.] и сохранившей свою волнистую форму.

- Лёд! - пробормотал Томас Нурманн, археолог экспедиции.

- Этого не может быть! - возразил Шустов.

- Почему не может?

- Лёд слишком хрупок для строительного материала Сферы. А мы видим сплошное поле.

- Там видны трещины... как будто...

- Для сохранения формы под воздействием неравномерного гравитационного поля звезды материал оболочки Сферы должен быть на порядок прочнее стали. Лёд давно растрескался бы и образовал облако астероидов и ледяных глыб. А мы видим непроницаемую твёрдую поверхность, не отличимую от поверхности планеты. Эрг, какова масса объекта?

- Приблизительно один миллион земных, - ответил компьютер.

- При объёме Сферы с радиусом в треть а. е.[12 - Единица измерений космических расстояний, равна радиусу вращения Земли вокруг Солнца - 149,6 млн км.] можно предположить, что звезда, которую она окружает, красный или оранжевый карлик. Даже если внутри вращается какая-нибудь планета.

- А если создатели Сферы использовали для её строительства все внутренние планеты?

- Вряд ли там уместилось бы много планет, не больше двух-трёх, в то время как на такую работу требуется по меньшей мере строительный материал сотни планет. Тем более что это наверняка не лёд. Эрг, высвети нам таблицу

спектрального анализа.

Компьютер выдал на ложементы экипажа и кресла пассажиров все данные, какие имел.

- Да, это не лёд, - согласился Нурманн. - Но и не горные породы. И не металл. С ума можно сойти! Из чего она сделана?

- Похоже, это чистый углерод.

- Алмаз?!

- Виталий Семёнович, - вызвал капитана Шустов. - Надо садиться. Издали мы ничего не определим.

- Предлагаю сначала облететь этот шарик кругом, - сказал Бугров. - Найдём подходящее место для посадки и приземлимся.

Возражений не последовало.

«Дерзкий» приблизился к Сфере ещё на полмиллиона километров и направился вокруг «застывшего алмазного океана», постепенно снижаясь.

Стали видны «полыньи» - гигантские гладкие поля «льда», покрытые более тёмным материалом, нежели «волны» и «торосы», а также кратеры и ямы. Но все они были неглубокими, до полусотни метров, и не пробивали оболочку Сферы насквозь.

Компьютер после сотен измерений формы Сферы и дистанционного анализа её пород выдал свои выводы: Сфера действительно имела практически близкую к идеальной сферическую форму, а материалом её оболочки являлся обычный углерод, но в абсолютно необычном кристаллическом состоянии.

- Суперфуллерен! - назвал этот материал Нурманн. - Жаль, что не алмаз.

- Этого не может быть! - повторил своё заклинание Шустов.

– Но это факт, – почувствовал ему Нурманн. – Наверное, Сфера сохранила форму именно из-за прочности этого суперуглерода.

Женщины экспедиции молчали. Они являлись специалистами в других областях науки и ждали своего часа, чтобы применить знания в деле.

– Ещё один круг, – объявил капитан Бугров. – Теперь в меридиональном направлении, если не возражаете.

Никаких ориентиров, конечно, Сфера не имела, её магнитное поле практически равнялось нулю, и определить, где север, где юг, было невозможно. Однако для удобства навигации Эрг взял противоположные районы Сферы в качестве полярных реперов, чтобы можно было ориентироваться относительно её поверхности, и она получила условные «экватор», «северный полюс» и «южный полюс».

«Дерзкий» перестал наматывать круги в широтной полосе и направился к «северному полюсу».

А через некоторое время система визуального контроля корабля получила с поверхности отражённый сигнал, и Эрг доложил:

– Фиксирую выход металла.

Оживились не только эксперты исследовательской группы.

– Капитан, разрешите развед рейд? – азартно предложил изнывающий от безделья Ломакин.

– Присоединяюсь! – одобрил его идею Филипп Каледин, входящий в команду исследователей в качестве оператора беспилотных систем и пилота шлюпа.

– Согласен с вами, – отозвался Шустов. – Виталий Семёнович, как вы смотрите на посадку?

– Оценим объект и решим, – сказал Бугров.

С высоты в двести километров, на которую опустился корабль после сообщения Эрга, стали отчетливо видны «выходы металла».

К удивлению космонавтов, это оказался космический корабль, судя по его форме, мало отличимой от ракетных систем землян начала двадцать первого века.

- Капитан! – разволновался Ломакин. – Похоже, мы здесь не первые?!

- Может быть, это корабль строителей Сферы? – нерешительно сказал Нурманн.

- Такой примитивной формы? Строители смогли вырастить Сферу из углерода и при этом пользовались допотопными реактивными ракетами?

- Форма не всегда отражает содержание.

- Эрг, пакет «К» в сигнале! – скомандовал Бугров.

Компьютер выполнил распоряжение капитана, послав вниз на всех доступных диапазонах связи программу контакта, разработанную учёными-ксенологами Земли. Программа была продублирована на четырёх языках: русском, китайском, английском и математическом.

Однако ответа не последовало. Торчащий из неглубокого кратера чужой космолёт остался нем и недвижим. Не сверкнул ни один лучик света, не шевельнулся ни один люк, если они там, конечно, были, в эфир не просочился ни один радиосигнал.

- Ещё раз.

Однако ни на второе послание, ни на третье чужак не ответил, оставаясь глыбой мёртвого металла, хотя с виду он повреждён не был.

- Садимся! – сказал капитан Бугров.

«Дерзкий» пошёл на посадку.

Корабль инопланетян оказался не только неповреждённым внешне, он и внутри создавал впечатление вполне работоспособного сооружения, готового к полёту. Войти в него не составило труда, так как его люки оказались открытыми. А вот куда делся экипаж космолёта, осталось загадкой.

Разведчики – Ломакин и Каледин – обнаружили в центре управления корабля только два трупа. Существа походили скорее на крупных лемуров, чем на людей, и, судя по их позам и наличию оружия в лапах, они просто-напросто убили друг друга. После чего никто в рубку управления так и не вошёл. Компьютер корабля по истечении длительного времени (Шустов определил этот временной отрезок в пятьсот лет) перешёл в спящий режим, не получая никаких сигналов и распоряжений от хозяев, после чего открыл люки и стал ждать.

В течение двух последующих суток на «ракете» побывали все пассажиры «Дерзкого» и свободные от вахты члены экипажа.

В «ракете» и вокруг неё были развёрнуты исследовательские комплексы, и учёные начали искать причину странного происшествия, после которого корабль так и не стартовал на свою родину.

Вскоре удалось оживить компьютер космолёта, подключив внешнее электропитание, по параметрам близкое к земному, и выяснить, что численность его экипажа достигала четырнадцати «лемуров», но все они на борту корабля почему-то отсутствовали. Ксенологи экспедиции проанализировали последние видеозаписи в памяти компьютера «ракеты», разработали модель взаимодействий членов экипажа между собой и сделали вывод, что «лемуры» обнаружили какой-то «артефакт» на поверхности Сферы, начали его исследовать, но поссорились и перебили друг друга.

– Что за артефакт они нашли? – спросил Бугров у Шустова, буквально поселившегося в «ракете».

– Не знаю, – ответил глава группы.

– Почему вы решили, что речь идёт об артефакте?

– Понимаете, Виталий Семёнович, язык этих братцев по разуму пока не поддаётся расшифровке, мы интерпретируем записанный их компьютером видеоряд. Артефакт – это наш перевод, так сказать.

– Где он находится?

– Точного района расположения компьютер почему-то не знает, но, по всей видимости, где-то недалеко от корабля, надо искать.

– Они пешком передвигались?

– В их транспортном трюме остался всего один аппарат, напоминает летающую тарелку. Наверно, они передвигались на таких «тарелках».

Поднимать корабль над поверхностью Сферы не хотелось, и Бугров вызвал Ломакина:

– Иван, обследуй этот район «морья» по развёртывающейся спирали. «Лемуры» где-то наткнулись на артефакт, а летали на «тарелках».

– Понял, капитан, – ответил оператор, чей шлюп в этот момент находился рядом с лемурской «ракетой». Ему тоже удалось побывать внутри инопланетного корабля, но его помощь исследователям была не нужна.

– Высылаю тебе в помощь два дрона, – добавил Бугров.

Шлюп взлетел.

«Дерзкий» выстрелил очередью беспилотников, имеющих видеокамеры и датчики.

На стекло шлема Ломакина легла призрачная картинка изломов «углеродного льда», передаваемая дронами. Хотя пока что их информация была лишней, он и сам всё прекрасно видел.

Искать артефакт долго не пришлось.

Сначала беспилотники зафиксировали нечто необычной формы – чисто губа кита! – или «ледяная арка» в километре от «ракеты лемулов», затем компьютер шлюпа поймал отражённый от арки сигнал локатора, и стало понятно, что «арка» накрывает некую щель или пещеру, уходящую в глубь «ледяного» слоя Сферы, в которой находится что-то металлическое.

– Нашёл!

– Не спеши, – осадил молодого человека Бугров. – Продолжаем работать по протоколу «Чужой», не забывай.

– Как можно, капитан? Хотя ничего опасного не наблюдаю, всё тихо-мирно.

– Тем не менее «лемуры» погибли.

– Они перестреляли друг друга.

– Могу подстраховать, – раздался в наушниках рации голос Каледина.

– Благодарствую, Фил, я справлюсь, – ответил Ломакин.

– Отправляйтесь следом, Филипп, – сказал Бугров. – Пойдёте парой. Надеюсь, вам не надо напоминать...

– О протоколе? – весело подхватил жизнерадостный Каледин. – Нет, капитан, я помню.

– Подключайте к системам контроля дроны.

– Ок.

– Иван, жди коллегу.

Ломакин хотел было процитировать капитану классика: кто не рискует, тот не пьёт шампанского, – но не отважился.

– Слушаюсь, капитан.

Через минуту киберпилот шлюпа подвесил аппарат над синеватой в лучах прожектора, мутно-прозрачной «ледяной» «губой кита-кашалота».

По сути это был карниз над щелью «пасти кашалота», образованный почти горизонтальной пластиной «льда».

Ломакин направил внутрь тёмной «пасти» луч прожектора.

Рядом завис катер Каледина:

– Что нашёл?

– Внутри что-то блестит.

– Надо выйти и посмотреть.

– Сначала запустим дрон, дружище.

– Соблюдаем СРАМ? – засмеялся Каледин. – Срам, да и только.

Ломакин вспыхнул, но сдержался.

– Срам будет, если мы ошибёмся.

Беспилотник, напоминающий небольшого размера речного ската, скользнул под «губу кашалота».

Над консолью управления шлюпом вырос призрачный лист экрана, развернулся объёмным окном. Прожекторов дрон не имел, но его видеокамеры обладали высокой чувствительностью, и света бортового осветителя хватало, чтобы в подробностях рассмотреть открывшееся пространство пещеры, напоминающей глотку гигантского кита.

Высота «глотки» достигала четырёх-пяти метров, ширина – более двух десятков метров, а задний её конец был не виден, так как уходил под углом в тридцать градусов в глубины «ледяного» слоя Сферы.

Округлый потолок пещеры был волнистым, как стиральная доска, словно действительно представлял когда-то слой воды, покрытый извилистыми волнами. Пол пещеры также представлял собой взбаламученный слой «воды», покрытый барашками замёрзших волн.

В центре пещеры стояла знакомая лемурская «летающая тарелка» с распахнутым боковым люком. За ней, ближе к дальнему концу полости, располагалась вторая. А между ними неподвижно лежали два «лемура» в тускло мерцающих серебром скафандрах. С оружием в руках, вполне похожим на земные пистолеты.

– Трупы! – прокомментировал изображение Филипп; он тоже получал передачи беспилотника. – Что здесь происходит?! С какого бодуна они устроили перестрелку меж собой?!

– Надо разбираться. Но я вижу только два тела, где остальные?

– Предлагаю двинуться дальше, в глубь пещеры. Больше им некуда деться.

– Давай, всё равно придётся когда-нибудь проверить этот ход. Я пойду первым.

– Почему ты?

– Потому что прилетел сюда первым.

– Какое это имеет значение?

Ломакин снова почувствовал коготок раздражения, процарапавший голову, однако и на этот раз сумел взять себя в руки.

– Отвечаешь за спину, дружище.

Шлюп мягко скользнул в «глотку кашалота» глыбой жидкого металла, преобразуя форму корпуса из идеальной капли в линзу с «крылышками». Это был аппарат-трансформер, имеющий множество геометрических вариантов преобразования тела, способный двигаться в любых жидких и газовых средах и даже протискиваться в узкие щели.

Филипп был вынужден последовать за оператором «Дерзкого».

Зависли рядом с «тарелками» «лемуров», отрабатывая пункты императива «Чужой»: мигали прожекторами, включив рации на непрерывный запрос-дозвон, всматривались в столбцы символов и цифр, ползущие по внутренним поверхностям шлемных стёкол, означающие параметры среды, вслушивались в голоса бортовых компьютеров, оценивающих степень внешних угроз, держали пальцы, условно говоря (компьютер оружейных систем реагировал на их мысли), на «гашетках пулемётов»: десантные шлюпы класса «броненосец» мало в чём уступали по защищённости модулям высшей защиты класса «голем», а оружием обладали таким же: «громобоями» – высоковольтными разрядниками, лазерами и ракетными комплексами «Оса-2100».

– Сквозняком тянет... – пробормотал Ломакин.

– Каким ещё сквозняком? – удивился Каледин.

– Нехорошим... не чуешь?

Филипп помолчал.

– Ничем не пахнет... ты пошутил?

– Это не запах... что-то на уровне подсозналки... такое впечатление, будто гниёт куча навоза...

Каледин засмеялся.

– Ну и фантазия у вас, маэстро! Стихи случайно не пишете? Предлагаю сделать бросок вперёд, надо же выяснить, куда подевались остальные «лемуры».

Его катер первым устремился в горловину пещеры, ощупывая пол, стены и потолок лучом прожектора.

Ломакин сдержал негодующий окрик, подумав, что нет смысла спорить, кто главный и кто первый. Они в этом рейде были на равных. Хотя так и подмывало осадить горячего оператора исследовательской группы, сующегося «поперёк батьки в пекло».

Дальний конец пещеры действительно уходил под слой «льда» под углом в тридцать градусов, пока не превратился в суживающуюся вертикальную шахту.

– Не спеши, – сказал Иван, ощущая неприятный ветерок, шевелящий волосы на затылке. Это был не страх, а нечто другое, ожидание недобрых событий, каких-то негативных сюрпризов, запах тления, навеянный трупами инопланетян, ветерок опасности, который он назвал «сквозняком», и что-то ещё, тёмной тучей нависшее над головой.

Каледин не послушался.

– Дрон ничего опасного не видит, – весело сказал он.

– Тоннель сужается...

– Если уж «тарелки» «лемуров» тут пролезли, а они не меньше наших «броненосцев», то и мы протиснемся.

Дальше передвигались молча, разглядывая кольчатые неровные наплывы стен шахты, превратившейся в бликующую глазурью кишку.

– Похоже, здесь поработали плазменные резак, – заметил Филипп. – Как ты думаешь, кто пробивал ход? Хозяева Сферы или «лемуры»?

Ломакин не ответил, хотя сам задавал себе те же вопросы.

Опустились примерно на километр.

Дрон, ласточкой скользивший в авангарде отряда, отметил расширение хода, впереди на стенах появился красноватый отблеск, словно тоннель был освещён, и шлюпы один за другим вылетели из тоннеля в распахнувшуюся пропасть пространства, пронизанного лучами багровой звезды. Зависли над устьем тоннеля, замороженно разглядывая открывшийся взору ландшафт.

Сфера Дайсона действительно представляла собой оболочку сферической формы, охватывающую значительную часть космоса со звездой в центре системы.

Звезда была класса красных карликов и испускала густой красный, ближе к багровому и вишнёвому, свет, озарявший Сферу изнутри.

Внутренняя поверхность Сферы представляла такое же «ледяное» поле с застывшими барашками волн, каким казалась её внешняя поверхность. Края Сферы плавно уходили вверх на недостижимую высоту, образуя вогнутую чашу, края которой исчезали где-то на невероятной высоте. Вернее, растворялись на фоне сгущающейся черноты внутреннего пространства Сферы.

«Кротовая дыра» тоннеля, проплавленная в оболочке Сферы неведомо кем, была окружена валом рыхлого с виду чёрного материала, напоминающего сажу.

Ломакин вспомнил, что вся Сфера отлита из модификаций углерода.

А дальше, за валом, до самого «горизонта» на высоте тысяч километров, шла настоящая мусорная свалка!

Вся волнистая поверхность «углеродного льда» была покрыта холмами, сложенными миллионами разнокалиберных контейнеров разной геометрической формы, грязно-серыми тюками (ни дать ни взять – матерчатые мешки, какими пользовались когда-то земляне), пузырями «пластиковых» пакетов и скоплениями обломков каких-то конструкций. Куда бы Ломакин ни кидал взгляд, он видел горы и горы мусора, бочек, мешков, пакетов, контейнеров и, образно говоря, «битой посуды». Лишь кое-где виднелись свободные от мусора «полыньи» да редкие сооружения наподобие земных четырёхугольных пирамид. Облитые светом близкой звезды, цвета запёкшейся крови, они казались кусками мяса, разбросанными по равнине Сферы, и даже смотреть на них почему-то было тревожно.

- Ты что-нибудь понимаешь? – нарушил молчание Филипп.

- Свалка...

- Что?!

- Свалка отходов жизнедеятельности хозяев Сферы.

- Ты считаешь, что они создали Сферу, чтобы сбрасывать на неё мусор?!

- Почему нет?

- Чушь собачья!

- Поосторожней в выражениях, дружище.

- А то что?

Ломакин с трудом погасил вспыхнувший в душе огонёк гнева.

- Посмотри левее, на пирамиду, ничего не видишь?

- Нет.

Ломакин тронул шлюп с места и остановил его над валом «мусора», уходящим к угрюмой чёрно-бордовой пирамиде вздутием вены на человеческой руке. У самого начала вала лежала «лемурская» «тарелка», уткнувшись развороченным носом в гору «мешков».

Подлетел шлюп Каледина.

- Ну и зрение у вас, маэстро. Похоже, «лемуры» устроили ДТП.

- Катер взорван изнутри.

– С чего ты взял?

– Посмотри повнимательней на остатки катера. Он сначала взорвался, а потом врезался в горку «мешков». Надо всё обследовать, остальные «лемурские» катера тоже должны быть здесь.

Он велел беспилотнику подняться повыше и летать кругами с увеличивающимся радиусом. После чего направил шлюп к пирамиде.

Летающую технику «лемуров» они обнаружили одновременно – дрон и сам Иван. Три «тарелки» лежали в ложбинах между горами контейнеров, ещё одна воткнулась носом в пирамиду, пробив её грань. Было видно, что «лемурские» катера повреждены, а возле контейнерных гор лежат уже знакомые тела в тускло отсвечивающих кровавыми бликами скафандрах. Когда-то здесь развернулась битва между «лемурами», хотя понять причины их агрессии друг к другу было невозможно.

– С ума они посходили, что ли? – пробормотал Каледин.

Ломакин попробовал связаться с капитаном, но не смог. Оболочка Сферы экранировала радиоволны.

– Уходим.

– Мы даже не осмотрелись как следует.

– Для первого раза достаточно. Доложим начальству и вернёмся сюда с аппаратурой и специалистами.

– Возвращайся, а я хочу привезти побольше информации.

Шлюп Каледина двинулся к пирамиде, которую протаранила «лемурская» «тарелка».

Ломакин бросил свой катер между «броненосцем» Филиппа и пирамидой.

– Не дури, Фил! Здесь происходит что-то непонятное! Члены экипажа космолёта просто так не станут стрелять друг в друга! Вдруг в этих контейнерах или в бочках спрятаны вирусы? Или какие-нибудь опасные наркотики, психотропики, ещё какая-нибудь зараза! Мы рискуем подхватить жуткую болезнь! Надо срочно сообщить старшим!

– Ну и лети, докладывай, если ты младший. – Филипп хихикнул. – Маменькин сынок. А я тут поищу чего-нибудь существенного.

Ломакин с трудом погасил приступ бешенства.

– Фил, протокол «Чужой» запрещает рискованные маневры без обсуждения ситуации! Если «лемуры» заразились, отчего и перестреляли друг друга, то эта свалка чудовищно опасна!

– Да ладно тебе, Иван, «броненосцы» прекрасно защищены.

– Идём назад!

– А то что? Откроешь огонь? Так я отвечу!

– Идиот! – выдохнул Ломакин, судорожно отгоняя мысль выстрелить.

– Эй, пацан, ответишь за базар! – озлился Каледин. – Прочь с дороги!

Чёрное облако ослепляющей ненависти опустилось на голову. И чтобы не поддаться ему, Иван последним усилием воли скомандовал киб-пилоту:

– Домой!

Шлюп развернулся и прыгнул к тоннелю.

В наушниках Ивана раздался хохот Каледина...

Бугров выслушал сообщение Ивана с непроницаемым видом. Поднял на оператора холодные глаза:

– Я правильно понял? Каледин первым завёлся?

Иван вспыхнул, но глаз не отвёл.

– Правильно!

– Ладно, иди, разберёмся.

– Но он там один...

– Вернулся парень, пару минут назад.

Ломакин с облегчением вздохнул.

– Тогда ладно.

– Иди, Шустов собирает свою команду, расскажешь, что знаешь. Потом решим, кого и когда посылать в ту дырку.

Иван поспешил в кают-компанию.

В уютном отсеке отдыха собрались члены экспертной группы. Ждали обоих пилотов, чтобы выслушать их обстоятельный рассказ о полёте сквозь оболочку Сферы.

Оказалось, Каледин прибыл на совещание раньше Ивана, и, судя по тому, как разговоры в кают-компании стихли, он как раз в этот момент вспоминал Ломакина. Смущённо отвёл глаза, когда Иван переступил порог кают-компанияи.

– Иван, почему вы бросили нашего оператора одного? – с укором проговорил сидящий, борода клинышком, Шустов.

Ломакин вскинул брови, залился краской, попытался поймать взгляд Филиппа.

– Я не бросал! Он может подтвердить. Наоборот, я предложил вернуться вместе, но он остался. Фил, почему ты молчишь?

– Я не молчу, – проговорил Каледин. – Мы... не поняли друг друга.

– Ну, коли так, попрошу обоих придерживаться существующих правил: работать только в паре. – Шустов кивнул на стул: – Присаживайтесь, Иван.

Ломакин сел, успокаивая дыхание.

– Филипп уже вкратце ввёл нас в курс дела, – продолжал Шустов. – Хотелось бы уточнить детали. Не возражаете?

– Нет.

– Звезду в центре Сферы вы видели, но планету не обнаружили, так?

– Нет. То есть да – не обнаружили. «Броненосцы» не обладают необходимой для этого аппаратурой. Нужны телескопы и датчики.

– Не может случиться так, что хозяева Сферы живут на её внутренней поверхности?

Иван задумался, качнул головой.

– Мы видели только свалку...

– На какой площади?

– Насколько хватало оптики. Визуально – не меньше тысячи километров.

– Я предложил ему сделать марш-бросок, – сказал Филипп. – Но он сослался на инструкцию СРАМ.

– И правильно сделал, – строго сказал Шустов. – Мы не знаем, что произошло внутри Сферы.

– Вирус, – буркнул Иван.

– Что, простите?

– На свободу вырвался какой-то вирус, «лемуры» заразились и...

– Превратились в зомби! – фыркнул Каледин. – После чего с перепугу перебили друг друга.

Ломакин сжал губы.

– Именно так всё и было! Мы не имеем права рисковать.

– Кто не рискует... – начал Филипп дурашливым тоном.

– Каледин! – металлическим голосом произнёс Нурманн. – Вы не на пикнике! Извольте действовать согласно императиву, предусмотренному инструкцией! И следите за речью!

Филипп пожевал губами, но продолжать в том же ключе не стал.

Шустов посмотрел на лицо члена группы с сомнением, перевёл взгляд на Ломакина:

– Прошу прощения, Иван. Что вы видели ещё?

Ломакин преодолел желание хлопнуть дверью, хотя его так и подмывало это сделать.

– Мусорные горы... пирамиды...

– Да-да, расскажите о пирамидах.

– Они большие, метров под двадцать в высоту, и с виду не похожи на мусорные контейнеры. – В голову пришла хорошая мысль: – Скорее всего, это могильники наподобие земных.

– Могильники?

– Ну, да, скотомогильники или хранилища биологически опасных материалов. – Иван подумал. – Либо радиоактивных.

– Датчики не зафиксировали радиации, – возразил Каледин.

– Тогда это химические или биологические захоронения. Одну пирамиду пробил «лемурский» катер. Возможно, вирусы из пирамиды вырвались на волю и заразили «лемуров».

– Там внутри Сферы вакуум, – хмуро сказал Филипп. – Температура почти равная абсолютному нулю. Никакие вирусы не выживут.

– Весьма спорный аргумент, – пожал плечами Нурманн. – Теория панспермии, наоборот, доказывает, что вирусы легко разносятся по космосу и активируют на планетах жизненные процессы.

– Это не тот случай.

– У вас ко мне всё? – поднялся Ломакин, поймав заинтересованный взгляд Карлы де Лонгвиль; она явно ему сочувствовала.

Учёные переглянулись.

– Надо готовить серьёзную программу, – сказала Карла.

– Нас мало, – с сожалением развёл руками Нурманн.

– Разделимся, – решил Шустов. – И попросим капитана Бугрова выделить свободных от службы членов экипажа в помощь. Вы, Томас, останетесь на корабле «лемуров», надо закончить начатые там работы. Я отправлюсь внутрь Сферы.

– И я! – вскинул вверх руку Каледин.

Шустов посмотрел на него, сдвинув брови.

– Вам надо пройти медицинское обследование, Филипп.

– Зачем? – удивился Каледин.

– Необходимо перестраховаться.

– Да что вы заладили – вирус, вирус! Я здоров! Даже если в пирамиде были вирусы, в чём я сильно сомневаюсь, они не могли просочиться внутрь «броненосца»! К тому же катер при возвращении прошёл шлюзование и санобработку.

Шустов посмотрел на Ломакина, развёл руками.

– И вам тоже, Иван. Этого требует ситуация.

Ломакин хотел возразить, но вспомнил выражение глаз капитана Бугрова и выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы.

– Хорошо.

Лицо Шустова приобрело несчастное выражение.

– Не обижайтесь, Иван, прошу меня понять. Нам всем придётся пройти обследование. Возможно даже, придётся объявлять карантин. Во всяком случае, все походы в Сферу начнём совершать только после обследования. Капитан, нужно ваше слово.

– Я всё слышал, – принесли динамики кают-компании голос капитана Бугрова. – Одобряю. Иван, Филипп, марш в медбункер!

Ломакин глянул на Каледина, сделал приглашающий жест:

– Идём.

– Ты первый, – осклабился тот.

7

Обследование, проведенное Ириной Легровой с помощью медицинского комбайна, не выявило никаких патологий в организмах обоих молодых людей. Не обнаружилось и каких-то незнакомых вирусов. Лишь одно обстоятельство обеспокоило компьютер: повышенная возбудимость космонавтов. Они слишком бурно реагировали на слова друг друга и на предлагаемые совместные действия, как на вызов на дуэль, и перестали проявлять дружеские чувства, что соединяли их раньше.

Впрочем, примерно в таком же состоянии находились и все остальные участники экспедиции, и даже члены экипажа «Дерзкого», не покидавшие корабль. Их многое раздражало в поведении друг друга, хотя и в меньшей степени. Но поскольку экспедиция не могла находиться вдали от родины долго, капитан Бугров, посоветовавшись с начальником экспертной группы, дал добро на продолжение исследований найденных артефактов.

Нурманна и Карлу де Лонгвиль доставил на корабль «лемуров» «броненосец» под управлением Альберта Полонски. Навигатору вменили в обязанность оказывать содействие учёным, и он остался вместе с ними.

Шустова и Фьоретту Месси взял на борт шлюпа Каледин.

Им предстояло заняться изучением внутренних областей Сферы.

Прикинув объём предполагаемых работ, Бугров отправил туда же, внутрь Сферы, Ломакина, исполняющего кроме своих прямых обязанностей техника-оператора ещё и роль пилота и гаранта безопасности, и Леона Батлера. Им поручалось разобраться в причинах гибели «лемуров», для чего в распоряжение космонавтов была передана киб-лаборатория для биомедицинских анализов, два беспилотника и автономный модуль для внешней дезосанитарной обработки скафандров и шлюпов.

После пятичасового отдыха Иван вывел «броненосец» из транспортного терминала «Дерзкого», испытывая странное волнение, будто перед встречей на ринге с сильным противником. Из памяти не выходили странные придирки и поступки ранее весёлого парня, каким был Филипп до рейса, хотя Иван и признавался в душе, что сам вёл себя не лучшим образом. И всё же казалось, что именно Каледин испытывает какой-то кризис, а он, Иван, всего лишь отбивает его выпады.

Шлюп нырнул под «губу кашалота» и вылетел из тоннеля, пробуравившего Сферу, по ту сторону её оболочки, толщина которой была везде одинаковой – около километра.

Прибывшие ранее эксперты уже вовсю работали возле роботизированных модулей, представлявших собой комплексы с разного рода аппаратурой, обладающие способностью самостоятельно передвигаться по пересечённой местности, поставили купольные палатки и развернули антенны локаторов и датчиков.

Фьоретта Мессии настраивала комплекс измерителей, стволы которого смотрели на звезду, а также на протараненную пирамиду. Шустов вместе с роботом-техником возился у горы контейнеров грязно-бордового цвета. Впрочем, цвет у всех мусорных холмов казался одинаковым, так как все они освещались багровыми лучами центральной звезды системы.

Уже было известно, что планет внутри этого колоссального пузыря нет, зато присутствует пояс астероидов, что позволило Шустову сделать предположение о нахождении жизни на внутренней поверхности Сферы. Просто космонавтам повезло наткнуться именно на мусорную свалку, в то время как обитаемая зона Сферы скрывалась где-то «за горизонтом».

Правда, Нурманн предложил ещё одну версию организации местной жизни, восходящую к нестабильности политической обстановки в мире хозяев Сферы. По этой версии они устроили всеобщую войну и взорвали планету, от которой осталось теперь только облако астероидов.

– Возможно, – добавил археолог, – что какая-то часть населения действительно переселилась на внутреннюю поверхность Сферы, а их служба безопасности обнаружила «лемуров» и уничтожила их.

– Мало верится, – сказал Шустов с сомнением. – По внешним признакам можно судить, что «лемуры» сами перестреляли друг друга. Истина может разительно отличаться от наших впечатлений. Будем работать.

– Я могу прошвырнуться по системе и осмотреть большую часть поверхности вокруг нашей базы, – предложил Каледин.

– Одному летать запрещает...

– СРАМ! – расхохотался Филипп.

– Напрасно смеётесь, молодой человек, капитан потребует отчёта и вполне может запретить вам покидать борт корабля. Если лететь на разведку, то хотя бы сделайте это вместе с Иваном.

– У него свои обязанности. Буду держать вас в курсе всех открытий.

Шлюп Каледина улетел.

– Извините, Иван, – сказал Шустов удручённо, – Филиппа иногда заносит.

– Это его проблемы, – буркнул Ломакин. – Ситуация чревата сюрпризами, и он вполне может напороться на неприятности.

– Помоги, Ваня, – попросил Батлер.

Иван направился к нему.

С час они крепили модули, датчики, запускали дроны и ставили палатки.

Филипп молчал, и это тревожило, так как ни на один вызов Шустова оператор не ответил. Куда он направился, представить было трудно.

– Слетайте за ним, – забеспокоился и Шустов.

– Куда? – хмыкнул Ломакин. – Он мог полететь в любую сторону, а обследовать надо миллионы квадратных километров площади. Здесь нужна целая эскадрилья беспилотников класса «орлан».

– Я видел, что он полетел вон за ту горку, – показал рукой Нурманн.

– Хорошо, посмотрю, – нехотя сказал Иван. – Леон, не возражаешь? Справишься один?

– Справлюсь, – ответил бортинженер. – Хотя я бы посоветовался прежде с капитаном.

– Я ненадолго, покручусь полчаса, и назад.

Батлер промолчал.

Настроение испортилось окончательно. Стало казаться, что кто-то смотрит на них внимательно, с угрозой, а кровавые отблески на контейнерах и бочках вообще стали казаться омерзительными. Переборов себя, Иван сказал нарочито бодрым голосом:

– Найду сорванца и верну в лоно науки.

Не получив ответа, что только усилило раздражение, Иван нырнул в шлюп и рывком бросил его в «небо» Сферы.

«Мусорная свалка» легла под аппаратом грандиозным бликующим ковром, запятнанным странным «мхом» и «лишайником». Ещё во время первого похода он видел этот ковёр с высоты в пару километров, теперь же мог оценить масштабы «свалки» с пятидесятикилометровой высоты.

Филипп, совершивший такой же прыжок час назад, был прав: до самых размытых расстоянием краёв гигантской чаши, какой виделась Сфера с борта «броненосца», взор натыкался на кучи «мусора», становившиеся по мере удаления поднимавшихся краёв чаши всё меньше и меньше, пока они не превращались в рубиновые блёстки бисера, сплошь покрывавшего внутреннюю поверхность Сферы.

– Однако! – невольно пробормотал Иван.

– Что-нибудь заметили? – отозвался Шустов.

– Н-нет, просто офигел... извините...

– Бывает, – хмыкнул начальник группы. – Будьте осторожны, не залетайте далеко.

– Надо же найти вашего авантюриста-разведчика. Кстати, вы тоже поосторожней копайтесь в «мусоре», вдруг «лемуры» и в самом деле выпустили какие-нибудь вирусы?

Голос учёного похолодел.

– Занимайтесь своим делом, молодой человек.

Иван сгоряча чуть не выругался, но только высунул язык, сказав мысленно: «Ну и пошёл к чёрту!»

Шлюп набрал высоту и скорость, покидая район свалки с червоточиной тоннеля.

Но пилота ждало разочарование. За полчаса «броненосец» преодолел больше тысячи километров, однако пейзаж под ним почти не изменился. Поверхность Сферы была засыпана всё теми же горами «мусора», среди которых изредка попадались пирамиды. Лишь где-то высоко-высоко, на пределе видимости, на краю чаши, стали появляться гладкие проплешины в сплошном мусорном ковре, свободные от нагромождений контейнеров, но полёт до них занял бы не один час, Филипп по-прежнему не отзывался на вызовы, и Ломакин повернул обратно. К месту работы экспедиции он вернулся как и рассчитывал – через час.

Шлюп Филиппа как ни в чём не бывало рыскал чуть поодаль от раскинутого лагеря. Пилот его молчал.

У палаток с аппаратурой деловитым муравьём возился Леон Батлер. Шустов с Фьореттой погрузили на антиграв-платформу тело «лемура» и что-то с ним делали, надвинув на него прозрачный колпак МРТ.

- Ёлки-палки! - с возмущением проговорил Иван. - Фил, в чём дело? Почему не отвечаешь?

- Работаю, - был лаконичный ответ.

- Мог бы откликнуться, я бы не искал тебя напрасно целый час.

- Это твои проблемы.

- Игорь Ильич, - пробормотал Иван, шокированный поведением оператора группы. - Скажите ему... так нельзя.

- Потом разберёмся, - ответил Шустов.

- Но ведь по инструкции мы не имеем права...

- Инструкции пишутся для недоумков, - донёсся хохот Каледина. - Да для таких нежных мальчиков, как ты.

- Филипп, не так грубо, - недовольно произнёс Шустов.

- Он того заслуживает.

- Я тоже не люблю инструкции, - сказала Месси. - В них нет никакой романтики.

- Они созданы для соблюдения режима безопасности.

- Вот пусть шестёрки капитана Бугрова их и выполняют.

- Фьори?! В чём дело? - проговорил Шустов.

- Да надоели эти сопливые заботы!

Иван удивился: Фьоретта никогда прежде не позволяла себе разговаривать в таком тоне с кем бы то ни было.

– Фьори, поможешь? – обратился к ней Батлер.

– У тебя есть помощник, – отрезала Месси. – Я сама зашиваюсь, дел по горло.

– Фьори? – опешил бортинженер.

– Что Фьори? Работай.

Иван присвистнул, с большим трудом удерживаясь от желания осадить Фьоретту.

– Леон, я помогу.

– Не надо, – процедил Батлер. – И в самом деле каждый должен заниматься своим делом. Последи за своими дронами.

– Я просто хотел...

– Это твои проблемы.

Удивлённый реакцией Леона Ломакин отступил. Он не считал себя исключительно уравновешенным человеком и всё время напрягался, чтобы не отвечать грубо, помня наставления Бугрова перед полётом, но чем больше боролся с собой, тем больше хотелось поставить на место и Фьоретту, и Батлера, и Филиппа, чёрт бы его побрал! Интересно, что он затеял у пирамиды?

Что-то сверкнуло над холмами из «бочек», в районе пирамиды, но не той, какую протаранил «лемурский» катер, а стоящую за ней в трёхстах метрах.

Сверкнуло ещё раз, и верхушку пирамиды как корова языком слизнула!

Ломакин понял, что «броненосец» Филиппа открыл огонь из лазерного комплекса.

– Фил?! Что ты делаешь?!

– Что случилось?! – всполошился Шустов.

– Чёрт! – Иван бросился к своему шлюпу. – Тронулся он, что ли?!

Шлюп взлетел.

В наушники выплеснулась волна голосов членов группы. Но Иван их не слушал. Крикнул сам:

– Фил, прекрати!

Однако Каледин не ответил.

Его катер поднялся над пирамидой с развороченной вершиной, потом спикировал на неё и нырнул в образовавшееся на месте вершины отверстие.

– Не понимаю, что на него нашло, – растерялся Шустов. – Иван, остановите его.

– Он уже нырнул в пирамиду!

– Нырнул?!

– Интересно, какая муха его укусила? – сердито осведомилась Фьоретта. – Игорь Ильич, Фил у нас свободный художник, но не до такой степени, его надо немедленно вытаскивать!

– Как же я его вытащу?

– Пошлите дрон на ту сторону Сферы, – сориентировался Ломакин. – Сообщите капитану. А я попробую достучаться до сознания вашего безбашенного сотрудника.

Шлюп спикировал на вершину пирамиды.

Сообщение, переданное вынырнувшим из «кротовой норы» беспилотником, заставило капитана Бугрова переосмыслить ситуацию, сложившуюся после открытия на внутренней поверхности Сферы «мусорной свалки».

Экипаж корабля не участвовал в маневрах экспедиционной группы, не считая Ивана Ломакина, и вёл себя как обычно, при внешней несерьёзности и лёгком бравадировании выполняя свою работу с полной отдачей и осознанием ответственности.

Ломакин не являлся примером сдержанности, иногда переходя некие границы дозволенного. Об этом можно было судить даже по инциденту на базе, когда во время игры в волейбол Иван вспылил. Но на борту «Дерзкого» он не позволял себе лишнего, подчинялся капитану беспрекословно, и на него можно было положиться.

Тем более непонятным становилось поведение техника исследовательского отряда Филиппа Каледина, явно переоценивавшего свои возможности и права. Но что-то здесь было не так. Бугров чувствовал это, как говорится, нутром. Он был не просто капитаном космического корабля, но и хорошим психологом, прекрасно разбирался в людях, легко оценивая их достоинства и недостатки и понимая, что существуют какие-то скрытые причины начавшихся разногласий прежде дружной команды исследователей и членов экипажа. Надо было срочно разобраться в их поведении, пока не случилось беды.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Кванк – интеллектуальный квантовый компьютер, имеющий персональные черты, позволяющий исключить большинство из ныне существующих профессий космоплавания.

2

Специалист в области интеллектуальных квантовых компьютерных технологий.

3

Инструкция космофлота, аббревиатура слов «сведение риска к абсолютному минимуму».

4

Диаметр Харона 1212 км.

5

Церера – спутник Солнца, экваториальный радиус 481 км, полярный радиус – 445 км.

6

Радиус видимой части Вселенной = 13,7 млрд световых лет.

7

Остывшая звезда небольшого размера с низкой температурой поверхности.

8

Фуор – тип нестационарных звёзд с неравномерно меняющимся блеском.

9

В космосе принят порядок времяисчисления, соответствующий земному, при котором началом суточного цикла считалось время земного нулевого меридиана.

10

В настоящее время с помощью внеземных и наземных телескопов у других звёзд открыто более тысячи планет. К 2117 году будет открыто на порядок больше.

11

Температура «пустого» космического пространства может опускаться почти до температуры абсолютного нуля -273 градуса по Цельсию.

Единица измерений космических расстояний, равна радиусу вращения Земли вокруг Солнца – 149,6 млн км.

Купить: https://tellnovel.me/ru/golovachev_vasiliy/kosmoprohodcy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)